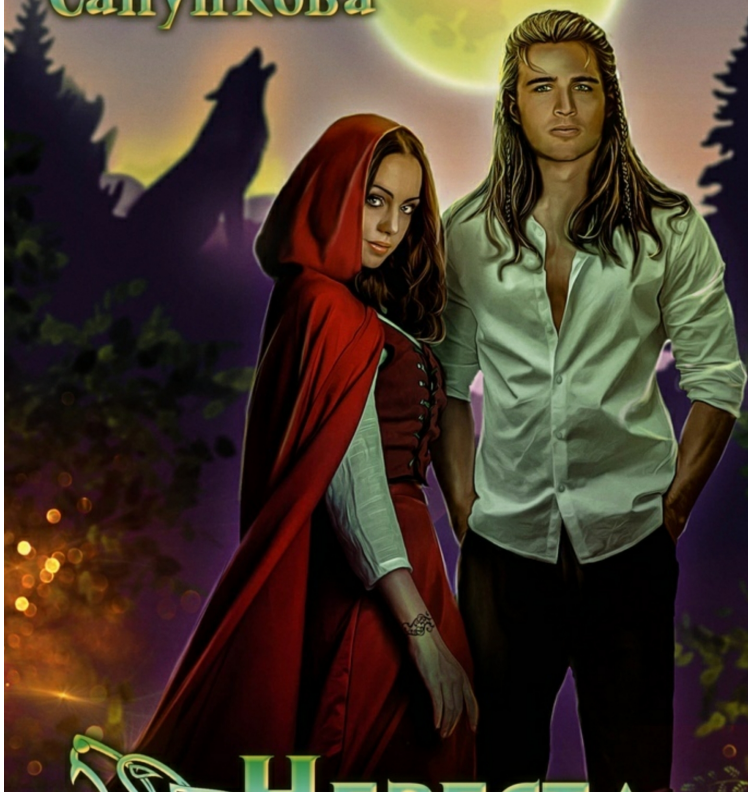

Наталья
Сапункова

НЕВЕСТА
ПРОКЛЯТОГО
ВОЛКА

16+

Наталья Сапункова

Невеста проклятого волка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66296984

SelfPub; 2022

Аннотация

Катя Иволгина работала в богатой семье и подружилась с ручным волком. И кто знал, что это перевернёт её жизнь? Она окажется в чужом мире вместе с влюблённым в неё мужчиной, который бросит у её ногам все, что имеет. И ему очень нужна помощь. Им вместе придётся преодолеть кучу проблем, и тогда приз на финише будет шикарным! Приключения, секреты и любовь на все времена.

Книга вне циклов, самостоятельный сюжет.

Содержание

Глава 1. Встреча	4
Глава 2. Дом на Лесной	14
Глава 3. Волку нужно бегать	31
Глава 4. Странные дела	38
Глава 5. Ловушка	58
Глава 6. Знакомство	69
Глава 7. Новое утро	81
Глава 8. Девушка из расщелины	101
Глава 9. Поиграем?..	118
Глава 10. Особенности волчьей жизни	131
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Наталья Сапункова

Невеста проклятого волка

Глава 1. Встреча

Катя Иволгина уже много лет не была в зоопарке. Давно, в детстве, ходила с отцом, который часто водил её гулять по выходным. А теперь пришла одна. И зачем?..

Потому что грустно. И потому что шла, куда глаза глядят. Её предали, всё кувырком, работы нет, беременна... А тут животные в клетках, вечные жертвы, им ещё хуже.

Она на самом деле не любила зоопарк, никогда.

Полчаса назад медсестра вручила ей несколько бумажек.

– Вот, сдайте эти анализы, всё равно без них никуда. И приходите в понедельник на приём.

Медсестёр в кабинете было две. Точнее – акушерок? Одна участковая, пожилая серьёзная дама, а другая, совсем молоденькая, складывала в шкаф тетради и папки. А вот врача не было, куда-то отбыл. Зря Катя пришла сегодня, не повезло.

– А можно так, чтобы таблетку выпить, и всё? – вырвалось у неё. – Я слышала, что на таком сроке можно.

Аборта, который операция, она на самом деле панически боялась. И первый визит в консультацию тоже оттягивала по этому.

– Вот у доктора всё и спросите, Екатерина Ивановна, – медсестра мельком взглянула на её карту. – Приходите в понедельник.

Катя неловко кивнула и поторопилась уйти. Закрыв за собой дверь, остановилась. И услышала:

– И где таких дур штампуют, Света?! – возмущенно сказала участковая. – Чтобы не залететь, на это у неё мозгов нету, а как прижмёт – таблетку дайте...

Что ответила молоденькая и ответила ли, Катя слушать не стала, она рванула к выходу. В холле спохватилась и сдернула с ног голубые бахилы. Ничего. Придётся прийти в понедельник, или когда там она решится. Всё равно на платную медицину денег нет.

На маршрутку она не пошла и такси вызывать не стала. И правильно. А то с досады ещё вызвала бы такси! Пройтись надо, вот что. Отдышаться. Погода хорошая.

Вот именно. Пройтись. Успокоиться.

Так она и забрела в зоопарк. Направления на анализы – в сумке. Ветер треплет волосы, ласковый, чуть прохладный ветер. Тележка с мороженым на перекрёстке дорожек – как обычно. Катя купила шоколадный пломбир и пошла по дорожке.

Ничего, скоро она работу найдёт, и поедет на море будущим летом. Может быть, уедет куда-нибудь. Точно уедет. Ей недавно предлагали место, но с переездом, зря отказалась. Она же хороший переводчик. Английский язык, второй ис-

панский, и санданский... нет, о санданском не надо. Забыть. Хотя она его когда-то выучила и хорошо на нём зарабатывала, но – забыть.

Будний день, посетителей было мало. Мальчик с кучей шариков подпрыгивал и строил рожи мартышкам в клетке. Здесь тянулся длинный ряд обезьяньих клеток, целая улица. А за углом – хищники. Там когда-то в вольере жила пара волков, медведь и медведица – в разных клетках, однажды даже появились два медвежонка. Ещё, кажется, были лисички.

Катя миновала обезьян, повернула за угол. Вольер с лисичками, которые, похоже, спрятались. На табличке значилось: «Лисица обыкновенная». Дальше – шакал. Тоже не видно. На табличке: «Шакал обыкновенный. Руслан». Катя моргнула от неожиданности и рассмеялась. Виновника её ненужной беременности зовут Русланом. Шакал обыкновенный, надо же!

Волки. Их вольер перестроили и расширили, и волков стало не два, а целых пять. Они лежали, сбившись в кучу, в дальнем углу. «Волк обыкновенный. Canis lupus». Дальше – опять волк, один. «Волк обыкновенный. Canis lupus. Данир»

Данир. Волк обыкновенный. Да быть не может! Катя подбежала к клетке.

Там был Данир, именно он. И шрам возле глаза на месте. Данир. Волк. Только ничего он не обыкновенный...

Зверь лежал на сене, положив морду на лапы. Пол в этих

вольерах бетонный, кое-где его закрывали доски и сено. Это потому что волки могут рыть подкопы под заборы, как и лисы, и шакалы. Будь пол земляной, Данира давно не было бы здесь.

Уши волка задёрнулись, он двинул головой, приплюсываясь. И открыл глаза. Огромные оранжево-зелёные глаза этого волка иногда ей снились – потом, уже после того, как Саверин её уволил, выплатив крупное выходное пособие, о котором они даже не договаривались. Вообще, никто больше не платил ей так щедро...

Волк поднялся на лапы и подошёл к внутренней решётке – между решётками ограждения было около метра. Его взгляд как приклеился к Кате.

– Здравствуй, Данирэ! – сказала она, назвав его так, как звала иногда аяя Лидия, с ударением на последний слог. – Как же так, почему ты здесь? Что случилось?

Волк заворчал и ударил лапой по решетке.

– Данирэ! – она бездумно протянула руку через прутья.

Всё равно не дотянуться, к тому же внутренняя решетка более частая. Однако лапа зверя тоже скользнула между прутьев навстречу её руке.

– Эй, что творите? – завопили поблизости. – Это опасное животное, вам жить надоело?!

Это возмутился пожилой мужчина с палочкой. Правильно, впрочем, возмутился, только вот Данир – не опасное животное. Совершенно не опасное. Любой хомяк опаснее, чем

он. Однако тревогу он поднял качественно, и к Кате уже торопился мужичок в серой куртке служащего зоопарка.

– Чего хулиганите? – издалека начал служащий. – Штраф не платили? Сейчас охрану вызову, чтобы вас вывели! Этот волк вами пообедает и ему мало будет, что, не понимаете? Хищник. Уходите сейчас же!

Вот и неправда. Не такая уж Катя дюймовочка, чтобы Даниру не хватило на обед, даже несмотря на его выдающиеся размеры. Но это, конечно, совершенно неважно в данном случае.

– Понимаете, я знала его хозяев, – пояснила она, вставая и отряхивая руки. – И его тоже знала. Это очень мирный пёс, добрый. Я могу хоть сейчас его погладить, хотите?

– Это волк! – мужичок в куртке повысил голос и всплеснул руками, – волк, понимаешь, кукла? Какой тебе ещё пёс? Тоже нашла пёсика. Щеночек, бл...!

– Хорошо, это волк, – не стала она спорить. – Страшный серый волк. Вы не знаете, случайно, как он тут оказался? Или у кого можно спросить?

Потому что к этому «страшному» в доме Савериных относились почти как к любимому члену семьи. Обнаружить его таком месте Катя не ожидала. Разве что с хозяевами что-то случилось?..

– Как это как оказался? Подарили, – раздражённо пожал плечами мужичок. – В контору идите и спрашивайте, там на всех зверей карточки есть! А от волка отойдите от греха!

Они привлекли внимание, и заинтересованные зрители потихоньку подтягивались.

– Пока, Данирэ, – повернулась она к волку. – Я ещё приду. Не скучай!

Свои проблемы как-то вдруг забылись.

– Девушка, ну разве можно так легкомысленно себя вести! А ещё взрослый человек! – отчитала Катю крашенная под платиновую блондинку пожилая женщина, кажется, бабушка мальчика с шариками. – Сколько можно в газетах писать, что нельзя дразнить диких животных. Какой пример подаёте детям!

Волк смотрел на Катю с такой тоской во взгляде, что ей захотелось пройти сквозь решетку и крепко его обнять. Она быстро отвернулась и пошла к выходу – контора зоопарка вроде бы находилась там.

В кабинете директора за столом сидела полная женщина в твидовом костюме и что-то писала. К Кате она поначалу обнеслась доброжелательно и с любопытством.

– Волк Данир? Да, печальная история. Редкий экземпляр, такой крупный, красивый. Многие им интересуются. Говорите, знали бывших хозяев? Вы не их родственница, случайно?

– Я у них работала, переводчицей, – пояснила Катя. – Но если Данир у вас, то... что случилось?

– Хозяева погибли, насколько мне известно. Разбились на автострате. Тогда родственники привезли волка нам, и даже

деньги в качестве пожертвования, – она вздохнула. – А деньги нам очень нужны. Самоокупаемость зоопарка – это прекрасная сказка. Так что если хотите поддержать Данира, мы будем рады. Он любит мясо, сами понимаете. Он же волк.

– Я поддержу... – поспешно пообещала Катя.

– А животное сложное. Вот, пришлось отсадить в отдельный вольер, потому что чуть не загрыз другого волка. И специалиста покусал. Впрочем, тот сам немножко виноват, это да... А так, конечно, мы очень любим нашего мальчика, – она улыбнулась. – Его держали во дворе в вольере, да? Вы не знаете, у хозяев не было с ним, гм, проблем?..

– Нет, – Катя помотала головой. – Он не жил в вольере. Ходил всюду свободно, и по дому, и во дворе. Не видела его на привязи. Иногда ложился около дивана, и я босые ноги на него клала, как на коврик... чтобы не мерзли, пол был холодный...

– Да-а? – директорша поморгала. – Надо же. Ну знаете. А у меня есть отметки, что недружелюбный, нападал на людей. Вы уверены, что не перепутали зверей?

– Уверена! А можно его забрать? – выпалила Катя, – Точнее, сколько это стоит?

– Девушка, вы что? – директорша засмеялась. – Во-первых, он теперь собственность зоопарка. Во-вторых, лично мне с моей зарплатой ни за что не купить волка, тем более такого уникального, содержать его тоже не на что и негде. А у вас денег много, я вижу?

– Я найду, – Катя решительно тряхнула головой. – Сколько?

Директорша нахмурилась.

– Цена взрослого волка на рынке в среднем от ста тысяч. Такого, как этот – думаю, от двухсот. Находятся, знаете ли, любители экзотики. Но мы не продадим, конечно. Тем более вам, уж простите. Кто желает завести волка, покупает волчонка в питомнике или у охотников. У вас же явно нет ни средств, ни условий для такого хобби. А поверить, что зверь жил без вольера и был у вас вместо коврика – уж простите, не могу. Вы приходите, – добавила она мягче. – Навещайте. Хоть каждый день. Может, поймёте в конце концов, что ошиблись и зверь лишь похож на... на ту собачку, с которой вы его перепутали.

– Это волк семьи Савериных, – сказала Катя. – Данир. Я не перепутала.

– Очень хорошо, – нервно улыбнулась директорша, – простите, я сейчас занята. Вы приходите ещё. Извините.

Катя в свою очередь извинилась и ушла. Вернулась к волчьим вольерам. Данира не было – наверное, спрятался в конуре в дальнем углу. В соседнем вольере пять волков теперь бегали, что-то грызли, катали обрезки бревен и махали хвостами, как собаки. Катя постояла, посмотрела. Оказывается, они все чем-то отличались от Данира, и не только размером. Да, Данир по сравнению с другими был огромным, а также с более узкой мордой и более длинным, пластичным телом, с

более пышной, толстой шкурой. Он был красивым зверем.

Сто тысяч в среднем стоит волк, значит? А Данир – вдвое дороже. И он волк, у Кати нет возможности держать в доме волка, к тому же соседи встанут на дыбы! Хотя у неё частный дом, точнее – частная хибарка, которая досталась от бабушки. Участок крошечный – большую часть его в своё время продали, и никакого вольера нет, конечно. А идея забрать к себе волка жить – та ещё идея, кто спорит. Минутный каприз. Да, волк замечательный, лапочка просто, и они нравились друг другу – это конечно. Но здесь, в зоопарке, он под присмотром профессионалов. А Катя Иволгина в данном случае кто угодно, но только не профессионал.

На выходе из зоопарка к Кате шагнул полицейский, вежливо козырнул, представился и попросил документы. Она удивилась и достала из сумки водительские права. Её старенькая машина была не на ходу и без шансов вскоре поехать – денег на ремонт не хватало, но права она с собой носила, в отличие от паспорта.

– Очень хорошо, – улыбнулся полицейский, изучив карточку, – то есть хорошо, что права есть. Раз машину водите, значит, на учёте не состоите. Вы аккуратней, девушка.

– Что?! – изумилась Катя.

– Аккуратней, говорю. Тут и больные люди ходят, их диспансер через квартал. А за ними лучше приглядывать. Тут же дикие звери. А вы пришли и требуете дикого волка.

– Больные? – до Кати дошло, что имеется в виду, и она

смугилась, чувствуя, что краснеет. – Простите. Я не... то есть, не пси... не больная, я хочу сказать. Я знала раньше этого волка... простите, я всё понимаю, конечно.

– Доброго дня, – парень вернул ей права и опять козырнул.

Вот как, значит. Неожиданно. Милейшая директорша позвонила на вахту и сдала её. Сдала на проверку. А есть автомобильные права – значит, она не псих...

Дома было пусто и уныло. Поставить чайник – уже лучше. Заварить доширак, потому что ничего другого нет и не хочется. Действительно ведь не хочется! Из-за беременности? Раньше Катя и не смотрела в сторону такой еды, а теперь эти яркие пакеты стали казаться манной небесной, и притом, какое счастье – стоят дешёво! И мечталось о кофе со сливками. Кофе ещё был – отличный немецкий кофе, в большом количестве поставляемый «шакалом Русланом». Кофеварку он, покидая Катю, забрал с собой, а кофе, спасибо ему, оставил. Лапша быстрого приготовления якобы с говядиной и чёрный кофе – пища богов, чего ещё желать!

Волк Данир не выходил из головы, и когда она с аппетитом жевала лапшу, и когда крошечными глотками цедила кофе, забравшись с ногами на тахту.

Смогла бы она, интересно, завести себе домашнего волка?..

Глава 2. Дом на Лесной

Пять лет назад Катя приехала в тот огромный дом на окраине – особняк за кованой оградой посреди обширного газона. Семейство там проживало большое и, мягко говоря, своеобразное. А вместо комнатной собачки у них был огромный, серый в чёрное серебро волк. Данир. Ходил где ему вдумается, валялся на пушистых коврах, которых в доме было немало – какой там коврик, какой там «место»! Никаких собачьих команд в доме Савериных Катя не слышала. Кто-то в своё время потрудились, чтобы идеально выдрессировать волка. Зверь всё понимал, адекватно реагировал, гораздо адекватней, чем некоторые люди – так казалось Кате.

Перед этим ей позвонили, сослались на рекомендацию бывшего преподавателя и пригласили на работу. И она согласилась. Она уже больше года прозябала в бюро переводов за скромный оклад и подрабатывала репетиторством, уже убедившись, что это не её стезя. Приглашение показалось заманчивым. Подучить язык? Какие-то специальные разделы? Да запросто. У Кати быстро получалось учиться и разбираться в новом. И она поехала в дом номер четыре на Лесной.

Игорь Николаевич, хозяин, принял её в кабинете, облицованном морёным дубом – и стеновые панели, и вся мебель идеально подходили друг к другу и явно создавались специально. Это было не модно, не стильно и не современно, это

было как-то... респектабельно и вечно, что ли. И Катя моментально прониклась уважением и к дому, и к его хозяину.

– Садитесь, Катерина, – он показал на мягкий стул с высокой спинкой.

Удобный, кстати, был стул. А хозяин – высокий, молодежливый, мускулистый. Даже в молодые годы иметь такое тело можно, только если постараться. При этом Катя сразу решила, что Саверину сильно за пятьдесят. Короткий седой ёжик очень ему шёл. Вообще, красивый мужчина... был красивым, то есть. В молодости.

– Меня зовут Игорь Саверин, – представился он, опустив отчество. – Вас уже немного ввели в курс дела?

– О том, что придётся доучить язык? Да, конечно. А что, тема очень специальная? Надеюсь, не доклады для научных конференций? – отважно пошутила она, хотя и в самом деле на это надеялась.

– Не совсем так, йана Катерина, – он обаятельно улыбнулся. – Вам придется переводить тексты на разные темы. Главное, что язык придётся не доучить, а выучить с нуля. Мы обеспечим вас средствами для этого. Записями, методикой. Полагаю, вы справитесь. А потом – очень много работы, но, надеюсь, будете довольны.

Вот теперь Катя растерялась. Выучить язык с нуля?!

– Но, Игорь Николаевич... Почему вы не хотите взять готового переводчика? – выпалила она. – Учить язык – это и долго, и вообще...

Вообще, пять лет универа, если при этом забыть про школу – и она прилично говорит по-английски и по-испански. Да чего там, она более чем прилично и говорит, и переводит! Но это результат того, что она годами вкалывала, а тут – здравствуйте вам и получите записи и методику! Это несерьёзно.

Саверин с интересом наблюдал, как менялось выражение её лица.

– Не пугайтесь. Тут нужны способности, желание и старание. Меня заверили, что вы подходите. Вопрос желания, я бы сказал, важен.

И, змей-искуситель, он озвучил сумму её зарплаты на первые месяцы. Никто бы не устоял. Она согласилась.

– Вот и хорошо, – обрадовался Игорь Николаевич. – Сколько времени вам надо, чтобы уладить с прежней работой? Две недели отработки? – он нахмурился, но тут же опять улыбнулся, – да ладно. Решим. Зайдите туда на днях за документами, а тут можете приступать. Или завтра, если хотите морально собраться. Зачем тянуть?

– Да, конечно, – она кивнула.

– У вас будет своя комната. Можете уходить и приходиться в любое время. Возможно, со временем рабочий день станет ненормированным, в пределах разумного, конечно. Мы иногда ведём себя разгильдяйски и едим где и когда придётся, но стол накрывают по часам, и одно место за ним ваше, не стесняйтесь. Также можете в любое время брать в кухне, что требуется – чай, кофе, шоколад, выпечку. Или спрашивайте

у прислуги. Всё понятно?

Катя кивнула и что-то промычала. Понятно-то понятно, как как-то оно всё было даже чересчур.

– Итак, йана Екатерина. Здесь живет моя семья, а также друзья и сотрудники, – прежним доброжелательным тоном продолжал Игорь Николаевич. – Многие не постоянно. Сейчас тут моя мать айя Лидия, племянницы Алита и Юлана, племянники Виктор и Кайлен. И другие люди, вы познакомьтесь.

– Простите, как вы меня называете? Что это значит? – заинтересовалась Катя.

– Йана? Обращение к незамужней благородной девушке. Айя – обращение к замужней даме. Поэтому к моей матери уместно обращаться именно так: айя Лидия, то есть госпожа Лидия. Остальные обходятся без особой официальности. Не смотрите так испуганно, Катя, – он вдруг улыбнулся тепло. – Называя вас йаной, я пошутил. Вы познакомьтесь с каждым, и как представите друг другу, так и будете обращаться, в пределах обычной вежливости. Меня продолжайте называть по имени и отчеству. Я верно понял, что вам претит обращаться только по имени к такому древнему типу? – он улыбнулся.

У него были такие красивые, ровные зубы, что его стоматолог имел право гордиться.

– Вот насчёт одежды, вы ведь не против дресс-кода?

– Белая блузка с чёрной юбкой? – Катя улыбнулась, не

сдержав разочарованного вздоха, – да, конечно.

Этот набор из блузок, юбочек и пиджаков надоел ей до оскомины.

– Любая одежда, просто юбка должна быть длиной хотя бы до щиколотки. Мы в этом смысле консервативны, аяя Лидия больше всех. Она поможет вам с языком, вы будете проводить с ней много времени поначалу. И ваши волосы. Не стригите их коротко, пожалуйста.

– Но у меня нет такой одежды, – Катя растерялась. – Я никогда не носила, мне не идёт...

Волосы она и не собиралась стричь.

– Это ничего. Закажем вам несколько платьев как рабочую одежду, это будет бесплатно.

– О, благодарю, – она отчего-то ещё больше растерялась.

Разговор ушёл в сторону, она не спросила о действительно важном – какой хоть язык придётся изучать? Вместо этого вырвалось:

– Игорь Николаевич, а как у вас принято обращаться к мужчинам?

– Айт, – спокойно ответил он. – Айт, а потом имя.

– Значит, вы – айт Игорь?

Очень по-дурачки это звучало, честно говоря.

– Не совсем, – он усмехнулся, видимо, тоже признавая, что звучит не очень, – Игорь я согласно здешнему паспорту. Мое настоящее имя – Гархар. Айт Гархар Саверин, ударение на последний слог. Но вам это пока не нужно запоминать. И

да, в доме живет большая собака. Не бойтесь. Исключительно воспитанный пёс.

– Я не боюсь собак, – отважно заявила Катя, хотя это была чистой воды неправда.

Собак, тем более больших, которые не на привязи и без намордников, она на самом деле боялась.

– Отлично. Данир? Иди сюда, – позвал он, махнув рукой. И Катя увидела, как из темного угла неслышно материализовалась огромная псина тоже цвета морёного дуба – как страшный дух кабинета.

– Говорю же, не бойтесь, – мягко попросил Игорь Николаевич. – Данир, это Катерина. Катерина, это Данир. Погладите его, йана? Пожалуйста, – его глаза прищурились в усмешке.

Катя жалко улыбнулась и дрожащей рукой погладила.

– Ну вот и всё, за дело! – закончил аудиенцию её новый работодатель. – Юлана, зайди! – он нажал какую-то кнопку на столе.

В дверь скользнула миловидная девушка в красной кофточке и длинной – дресс-код! – синей юбке, зато с очень короткой стрижкой.

– Юлана, это Катерина, переводчица. Займись. Катерина, Юлана – мой секретарь, обращайтесь к ней по всем вопросам.

– Пойдём, – девушка с задорной улыбкой кивнула Кате. Данир тоже вышел с ними. Вообще, он как-то явно следовал за Катей – ей казалось, и это немного нервировало.

– Я Юлана. Можно звать тебя Катей, да? Пойдём, всё покажу и объясню.

– Девчонки, а давайте по кофейку? – окликнул высокий красивый парень в джинсах и тонком «скандинавском» джемпере с изображением волка.

Джемпер был чёрный, а орнаменты и волк – белыми.

– Давай, Витхе. А это Катя, новый переводчик.

– Очень рад. Я Виктор, как ты слышала, – он произнёс имя с нажимом и взглянул на Катю как-то так, что она почувствовала себя голой и смутилась.

Они в этой семье все, что ли, такие? Этого Виктора можно снимать в рекламе зубной пасты. Или в любой другой рекламе.

А он обаятельно улыбнулся и первый подошёл к кофемашине в углу.

– Ты какой пьешь, Катя?

– Капучино – можно? – попросила она. – Спасибо.

– Всё можно.

Что ж, кажется, стиль их общения определился, он обещал быть непринуждённым и приятным – это радовало. По крайней мере молодежь в этом доме ей понравилась. Хозяин, впрочем, тоже, хотя относительно него Катя не собиралась расслабляться – от любого шефа всего можно ожидать. А длинные юбки – ну что поделать, это даже красиво.

Данир остановился в нескольких шагах.

Красавчик Виктор тем временем приготовил капучино

для Кати, подал ей чашку, потом, тоже сам, сделал сладкий американо для Юланы, при этом не переставая поглядывать на Катю. Последнюю чашку он приготовил для себя, американо без сахара. Кофе был вкусным, и они уже, слово за слово, непринуждённо болтали. Катя рассказала, где училась, где работала, а Виктор – как недавно был в Египте и ездил на сафари. И вот, слушая про сафари, Катя и уловила какое-то рычание, еле слышное. Она обернулась – рычал Данир, о котором они почти забыли. И на тебе, теперь он рычал, сдержанно и тихо, но и грозно, верхняя губа его вздёрнулась, обнажая зубы, уши прижались к голове. Пёс напряженно смотрел на них. Он излучал угрозу.

Катя чуть не подавилась кофе. Виктор поставил свою чашку на стойку, выразительно взглянул на Данира и сказал: – Я понял. Уймись, пожалуйста, Данька.

Вот теперь пёс рыкнул очень отчётливо и негодующе. А Виктор коротко рассмеялся.

– Понял, понял, говорю же. Это я показываю девушке, что твоё имя сокращать не допускается. Никому. А то ещё покусаешь. Катя, дядя сказал тебе, что животное надо называть полным именем? А ещё лучше по отчеству.

– Или айтом Даниром? – блеснула Катя познаниями.

– Айтом Даниром, да!

– А на вашем языке ты, значит, айт Виктор?

– А... нет, я только по-русски Виктор. Кто я дома, не скажу, это страшная тайна.

Юлана улыбалась, пряча улыбку за чашкой. Пес опять зарычал, теперь они с Виктором смотрели друг другу в глаза, и это длилось полминуты, не меньше. Потом Данир развернулся и с достоинством удалился, неслышно ступая – словно не шёл, и тёк по комнате.

Юлана что-то укоризненно бросила Виктору на непонятном языке, глядя на них поочерёдно. Тот улыбнулся Кате:

– Он тебя не укусит, не бойся. Это у нас так, своё.

– А что это за порода? – спросила она. – Вы его на выставки не водите?

– Кого, Данира? – Виктор переглянулся с Юланой и опять засмеялся, – а, дядя, наверное, сказал тебе, что это собачка. Нет, это волк. Чистокровнейший. Но воспитанный. Чаще всего. Не кусается. Хочешь ещё капучино?.. – он сунул Кате вторую чашку.

Дополнительная порция оказалась кстати, чтобы запить потрясение. Разве можно держать дома волков? Просто Данир похож, вот племянник хозяина и шутит...

Потом Юлана вручила ей флешку с системой обучения и отвела в рабочую комнату с компьютером. Надо было надеть наушники, слушать и смотреть: мелькали картинки, слышалась то связная речь на русском, то совершенно невнятное бормотание. И так – два раза в день по полчаса, остальное время читать, писать, говорить, то есть упражняться в языке обычным образом.

Методика оказалась фантастической – через неделю Катя

знала санданский язык так, что приступила к работе. Сначала ей поручили переводить несложные статьи из научно-популярных журналов...

Кстати, она сразу нашла санданский в гугл-переводчике и некоторых других онлайн-переводчиках – едва осталась одна за компьютером в доме на Лесной. А вот где на этом языке говорят – тут вездесущий гугл отчего-то не помог. Катя решила, что ничего, потом выяснится. Какая-нибудь маленькая народность, а зачем им переводчики, её не касается.

Наутро она сразу отправилась на Лесную улицу, сначала на маршрутке, потом полчаса пешком. Дом СавЕриных... или СавЕринов стоял тихий и на вид нежилой. Пропали розы перед воротами, а их раньше было много. Через решётку Катя видела пустые дорожки, к которым подступала трава, зашторенные окна дома. Переговорное устройство долго не откликалось. Наконец оно сухо сказала мужским голосом:

– Слушаю вас.

– Здравствуйте! – заторопилась Катя, – я к Савериным, пожалуйста.

– Никого нет, – бесстрастно сказала переговорное устройство.

– А кто есть? Кто-нибудь из семьи, мне нужно поговорить.

– Никого из Савериных нет. Ни тут, ни в городе. Тут охранник, – высказалось устройство более распространённо.

– Можно зайти и поговорить с вами?

– Нет. Я не могу отвечать вместо Савериных, – отрезало устройство.

– Они продали дом? – не сдавалась Катя.

Устройство ненадолго задумалось, пошелестело и выдало:

– Нет, не продали. До свидания.

– Нет, пожалуйста, минутку! – закричала Катя. – Вы знаете, кто погиб в автокатастрофе?! Пожалуйста!

Опять пришлось подождать.

– В машине находились Игорь Николаевич, Лидия Константиновна и Алита.

– Когда ожидается возвращение Савериных, хоть примерно?

Конечно, она надоела устройству, но у кого ещё спрашивать?

– До свидания, – оно вежливо попрощалось и умолкло совсем.

Ну хоть что-то Катя узнала. Значит, погибли Игорь Николаевич, Лидия Константиновна и Алита, старшая сестра Юланы. Юлана и Виктор живы. Неужели это они отдали Данира в зоопарк? На первый взгляд невероятно. Но обстоятельства могли сложиться как угодно, а волк – не комнатная собачка.

Игорь Николаевич, ая Лидия и Алита. Известие о нелепой смерти хороших людей, тем более знакомых лично, царапает душу. Накануне скупое известие об автокатастрофе почти не задело Катю, когда прозвучали имена – это уже дру-

гое...

Шеф – как хотелось бы, чтобы собственный муж был таким в том же возрасте. Спокойный, заботливый, с острым умным взглядом, никогда не повышающий голос вообще ни на кого. Аяя Лидия, королева-мать, старая дама – так Катя иногда звала её мысленно. Рядом с ней хотелось подобраться, быть в форме, соответствовать неким критериям, и это без раздражения и желания сбежать. Алита вела бухгалтерию, и семейную и на каком-то из нескольких предприятий Савериных – молчаливая девушка, собранная и строгая. Племянница хозяйина, дочь его сестры. Красавица, блондинка с пышным узлом волос, её легче было представить актрисой, чем кем-то ещё.

Катя погладила колечко на левой руке – подарок аяи Лидии. Старая дама сказала – носить всегда, если понравится. Колечко нравилось, прижилось на пальце так, что Катя о нем забывала и действительно носила всегда. Бриллиантовая капелька на серебре сверкала ярко, когда на неё удачно падал свет.

Любыми делами заниматься расхотелось, даже срочными, и прямо с Лесной Катя опять поехала в зоопарк.

Вольер Данира был пуст, а у соседнего, где молодые волки затеяли возню, толпились зрители. Данир снова спрятался в укрытии? Катя решила постоять, дожждаться, пока он выберется.

– Привет, кукла. Это ты, что ли, решила волка купить?

Она обернулась – рядом стоял вчерашний мужичок-служащий в куртке.

– С чего вы так решили?

– Ну как же. Люди разные, кто-то больше говорит, а кто-то слушает. Я слушаю.

Ага, а говорила, надо понимать, директорша. Про ненормальную, которая выясняла у неё, сколько стоит волк.

– Хочу, – подтвердила Катя. – Только не заработала ещё.

– Да, если по-хорошему, такой волк две сотни стоит. Хоть бери кредит! – он смеялся. – Но это как посмотреть. Ты бы сколько дала?

– Смотря сколько дадут в кредит.

– Ах, кукла! – он хмыкнул. – Мы бы сговорились и за недорого. Ну, полтос хотя бы. Дала бы?

– Пятьдесят тысяч? – уточнила терминологию Катя. – Дала бы.

Если честно, у неё теперь пять тысяч редко водились. А уж пятьдесят! Но это временно, конечно. Однако обещать пятьдесят за волка? Да ладно, он же не всерьёз.

– Не жить ему тут, – покачал головой мужичок, – не приживётся. Я же вижу. Мается зверь. Продадут. В другой зоопарк, а то и частнику. Думаешь, ты одна интересуешься? Видно же, что элитный зверь. Мутант! – он многозначительно поднял вверх палец и хитро посмотрел на Катю, – так что поговорим...

– Поговорим, – кивнула она. – А почему он прячется?

– А, ждешь, – сообразил потенциальный продавец волков, – так не жди, увезли Даньку. Дня два-три прогуляет.

– Как увезли? – Катя и удивилась, и отчего-то испугалась.

– На свидание, к даме. Он же вон какой! Красавец. Щенки, значит, нужны. А что, хорошо платят. Только он не по этой части, похоже, – мужичок осуждающе прищелкнул языком. – Красавец-то красавец, а как до дела, то и пшик. Как бы на ковёр не пустили, красавца, – закончил он уже не о том.

– Погодите, как на ковёр, как не по этой части?! – Катя сама не понимала, почему вдруг испытала такую злость.

– А так, – пожал тот плечами. – Волки, они придиричиво пару выбирают, если не нравится, то ничего и не выйдет. Нюхом выбирают! А этому никто не нравится. И волчиц ему привозили, значит, чтобы тут парой жили. И с собаками тоже пытались. Но если специалист возьмётся, то всё получится. Кинолог, – он выразительно обхватил большой палец ладонью другой руки.

Катя покраснела и отвернулась.

– Мне пора. До свидания.

– Ну приходи, – сказал ей вслед этот разговорчивый, – и деньги ищи!

Вот интересно, это он всерьез? Готов украсть волка и продать ей?!

Катя не шла, а летела к выходу из парка, её подгоняла ярость. Жаль было Данира, жаль Савериных. Игорь Николаевич никогда не допустил бы такой дикости, того, что тут

творяют с его волком! Он был такой человек, не позволил бы подобного по отношению к кому угодно!

Дойдя до ворот, Катя успокоилась немного. Она сюда ещё вернётся, конечно. Интересно, что принести Даниру в подарок? Жильную кость из магазина для собак – можно?..

У волка была плотная, густая шерсть, чуть жесткая сверху и мягкая, пышная внутри, пальцы в ней тонули. Но больше Катя любила гладить его подошвой босой ноги, это было приятно, и волк тоже урчал от удовольствия, как большой кот. Вообще, она пугалась его только поначалу, это быстро прошло.

Первую неделю он не показывался ей на глаза. Потом – был поблизости, постоянно сокращая дистанцию: вот этот серый разбойник наблюдает за ней из дальнего угла холла, а на другой день улегся возле двери в её рабочую комнату, вскоре уже расположился у той же двери, но с другой стороны.

– Данир, да ты нахал! – хихикнула Юлана, заметив это безобразие. – Кать, этот зверь тебе не мешает?

– Не-а, – Катя только рукой махнула. – Пусть.

Он не мешал, она уже и внимания на него не обращала.

– Больше не боишься? – усмехнулась Юлана.

– Нет, конечно. Неужели этого няшку кто-то боится? – отозвалась она рассеянно, перебирая в уме подходящие глаголы.

– Угу. Недаром в сказке он обманул семерых козлят! Да ты его совсем приручила, дорогая! – продолжала потешаться Юлана.

– Или он меня, скорее уж, – Катя оторвалась от клавиатуры и потянулась. – ведет себя так, что с мягкой игрушкой перепутать можно. Но погладить стесняюсь, хотя хочется.

– Да ты что?! Тогда надо погладить! – Юлана похлопала себя по коленке. – Данир, ну-ка иди сюда! Мы тебя погладим!

Волк на это выразительно фыркнул и выскочил в дверь, а Юлана залилась смехом:

– Мягкая игрушка! Ня-я-щечка!

Она до вечера весело поглядывала на Катю, а волк, удивительное дело, куда-то спрятался. Зато на следующий день он сам помог себя погладить – проходя мимо, не спеша потёрся боком о Катину ногу, а она как невзначай положила руку ему на спину, провела, пропустив шерсть между пальцами. И ничего не случилось, подумаешь – она поладила волка.

С тех пор она то и дело его гладила, не испытывая при этом никакого особого трепета. А после и вовсе забыла про осторожность и обнимала его, теребила, могла вытянуться на ковре и положить на спину Данира голову, как на подушку. Разумеется, поваляться на ковре она могла только у себя, в других местах дома это было бы странно. Ну так волчара быстро проник в её личную комнату, теми же методами, что и в рабочую. Вот улечься на свою кровать она не позволила,

и он больше не делал попыток, хотя нередко смотрел просительно, ожидая разрешения – может, ей лишь казалось? А когда она читала в кресле, всегда лежал возле её ног или позволял класть ноги на себя. И даже не попытался на неё рыкнуть или как-то иначе выразить недовольство – напротив...

Кате нравилось на Лесной. Она часто оставалась на ночь просто так, без необходимости – например, чтобы вечером посмотреть с Юланкой фильм, сидя вдвоём на диване, да и просто поболтать. Домой не тянуло, там надо было самой готовить, там не было такого домашнего кинотеатра, такого душа, и, ладно уж, такого кофе. Дома ничего не было, кроме пустоты и одиночества. На Лесной, к счастью, это Катино нахальство воспринимали как должное.

Волку позволялось запрыгивать на диван, что он и делал, и устраивался всегда у Кати под боком. Юлана шутила:

– Кать, ты понимаешь, что этот страшилище в тебя влюбился? Понимаешь, да?

– У нас это взаимно! – смеялась она...

Глава 3. Волку нужно бегать

Через два дня вольер Данира ещё был пуст. Катя постояла немного, посмотрела на других волков, и уже собралась уходить, когда её окликнули.

– Девушка, стойте! – директорша зоопарка приближалась быстрым шагом. – Девушка, вы снова пришли? Ищете своего волка?

– А разве это запрещено? – нахохлилась Катя, – я заплатила за билет.

– Да-да, конечно, – директорша остановилась, смотрела сочувственно и вместе с тем оценивающе. – Думаю, Данир сюда не вернётся. С ним случилась неприятность, – она понизила голос, – он сбежал, понимаете. А это беда. Это опасно.

– Сбежал?.. – Катя не поверила.

– Именно. Покусал человека, который с ним работал. Кинолога. Мужчина в реанимации. Всё серьезно.

– И что же делать?.. – Катя растерялась.

– Это правильный вопрос. Ничего не делайте, разумеется. Если вдруг... я понимаю, это почти невероятно, но если вдруг увидите волка... Вы ведь говорили, что он знает вас? Не приближайтесь, даже не думайте, а звоните нам, вот телефоны, – она выхватила из сумочки и сунула Кате визитку. – Не обольщайтесь, сейчас это озлобленное животное, и оно

опасно. Вы хорошо поняли?

Катя кивнула.

– А почему озлобленное?

– Не знаю, – директорша посмотрела ей в глаза. – Кто проникнет в разум зверя? У всех нас в жизни бывает не так, как хочется. И у меня, и у вас, да? Только мы не кусаемся. Вы ведь тогда, раньше, не приводили Данира к себе домой? Туда, где сейчас живёте?

– Нет, никогда. Вы считаете, он меня нашёл бы? – удивилась Катя.

– Я уже ничего не знаю. Но поостереглась бы. Но раз он не жил у вас дома, тогда всё в порядке.

Она кивнула на прощанье и быстро ушла.

Катя не знала, что думать. Кто проникнет в разум зверя? Хороший вопрос! И, кажется, Саверины знали на него ответ. Во всяком случае, Лидия Константиновна, аяя Лидия, определенно знала нечто особенное.

Какое-то время она наблюдала за Катей и волком – это было заметно и немного напрягало. А потом они вместе отправились гулять в старый парк на окраине города. Поехали на старом лендровере, Катя села за руль вместо шофёра. В дальней части парка аяя Лидия сняла с Данира ошейник с поводком и хлопнула по спине:

– Ну беги.

– А он не потеряется? Вдруг кого-нибудь встретит? – ис-

пугалась Катя.

Она не поняла, зачем снимать ошейник. Ведь ошейник – какой-никакой залог безопасности, без него волка труднее принять за собаку.

– Ничего. Мы почти в лесу. Мальчику надо двигаться, чтобы быть в форме, – понятливо улыбнулась и пояснила аяя Лидия. – Всё хорошо. Он осторожен.

Оказавшись в этом почти-лесу, она чудным образом преобразилась – словно стала выше ростом, просветлела лицом и помолодела, и явно наслаждалась запахами свежести и зелени, даже ноздри её затрепетали, словно она настойчиво принюхивалась.

– Какой воздух, да, Катерина? Чувствуете, как здесь пахнет? А вон там белка, – она показала на гущу ветвей, – видите?

Катя никакой белки не видела.

– Здесь рядом лисья нора. Хотите посмотреть? – аяя Лидия подвела Катю к старой ели с вывороченными корнями, показала на дыру в земле, под деревом. – Это главный вход, наверняка есть ещё несколько. Но лисы ушли. Их спугнули, – она говорила без тени сомнения.

– А дикие волки тут есть? – заинтересовалась Катя.

– Нет, не беспокойтесь, – фыркнула аяя Лидия. – Шакалы вот расплодились на подходах к городу. Зимой приходили, – она брезгливо поморщилась. – Их путают с собаками.

– Может, стоит водить Данира на собачью площадку? –

подумала Катя вслух. – Ну, где разные лесенки и прочее, где собак дрессируют? Я могу поискать в интернете...

– Не стоит, дорогая, у нас есть абонемент, мальчика регулярно возят на тренировки. Кто-то из мужчин. Но с вами он не поедет, – аяя Лидия искоса глянула на Катю и отчего-то улыбнулась.

– Почему? – искренне удивилась та.

– Уверена. Даже не станем время терять.

Когда возвращались, аяя Лидия попросила Катю остановиться у зоомагазина и купить Даниру противоблошный ошейник. Волк отчего-то сопроводил просьбу сердитым рываньем.

– Ой, неужели у него блохи? Подожди, Данечка, я быстро, – Катя ласково улыбнулась волку, вылезая из машины.

Вот, опять позабыла, что волчье имя не рекомендуется изменять, Данир – и всё тут. Но она позволяла себе и эту вольность, и ничего.

Вернувшись, она бросила на заднее сиденье ошейник в упаковке, подмигнула волку – тот отвернулся и сердито заворчал.

– Прекрати, Данирэ, – ласково сказала ему аяя Лидия, – это для профилактики. Полезная вещь.

Она звала его Данирэ, с ударением на последний слог. Катя знала уже, что так, с добавлением ударного -э, называют детей и младших членов семьи. А Виктора бабушка иногда звала Витхе...

Волк ворчал половину дороги, а оказавшись дома, сразу куда-то убежал.

– Устал, пусть отдохнёт, – с усмешкой прокомментировала айя Лидия.

Вот именно, почему она насмешничала?

Катя не могла избавиться от чувства, что чего-то не понимает, и рассказала обо всем Юлане – вечером, когда они заварили себе чай и собрались смотреть романтическую комедию. Подруга выслушала, кое-что уточнила и с хохотом повалилась на диван. И тоже ничего не объяснила. Ощущение непонимания только усилилось, а Юланка, вредина, на все расспросы хихикала и молчала, как партизан. Катя обиделась, но пришлось делать вид, что всё пустяк, и смотреть кино.

Потом они с айей Лидией много ездили, и в парки, и по окрестным лесам. Катя вела машину, старая дама садилась на сиденье рядом, а Данир запрыгивал на заднее. Кате и в голову не пришло бы просить прибавки за обязанности водителя, потому что ей самой всё это нравилось. Но прибавку начали платить без просьб, просто в расчётном листе, который раз в месяц ей передавала Алита, появилась ещё одна строчка...

Подарок айи Лидии, кольцо, Катя получила тоже в лесу. Ни с того ни с сего. Старая дама просто достала кольцо из кармана пальто и сказала:

– У меня тут кое-что есть, девочка. Не отказываетесь, это

пустяк. Вам будет впору, наденьте на левую руку.

Катя слегка растерялась, и...

Она надела кольцо на палец.

Непривычно широкое – почти в сантиметр, ажурное, с узором в виде изгибающейся ветки с листочками и каких-то значков. На одном из листочков, как капля росы, лежал маленький блестящий камушек. Кольцо как влитое село на безымянный палец Катиной руки, и было удобным – как ни странно при такой ширине.

– Носите, – улыбнулась ая Лидия. – Пусть будет на память. Понравится – всегда носите, не понравится – снимите и выбросьте.

Катя не нашлась, что ответить на эту странную рекомендацию, просто поблагодарила. Кольцо ей как раз понравилось сразу, очень понравилось, оно было необычным и притягательным. И – серебряным, то есть по определению не дорогим, такой подарок не обязывал и его можно было с чистой совестью принять. Катя долго не догадывалась о том, что блестящий камушек – бриллиант, она была уверена, что в серебряных кольцах не бывает бриллиантов. Уже на следующей работе одна из коллег объяснила, что к чему, а потом ювелир в мастерской подтвердил – всё верно, бриллиант, чистой воды, одна десятая карата, пятьдесят семь граней, то есть не драгоценность британской короны, конечно, но всё же вещь не совсем дешёвая, а что в серебре – так ручная работа, эксклюзив.

Даже при полном безденежье Кате в голову не приходило расстаться с подарком айи Лидии. Колечко замечали, хвалили его необычность и стильность, говорили комплименты. А Руслану не нравилось. Нет, сначала он помалкивал, принимал всё, что касалось Кати, потом стал придирчивым и принялся её поучать и воспитывать, переделывать на свой лад – как себя вести, какую музыку слушать, какие вещи носить! Она девушка, значит всё это по определению должна, а как же! А кольцо – само собой, безвкусица, как не стыдно! С этого, наверное, и начался их разрыв – Катя и в детстве терпеть не могла, когда её воспитывали.

Глава 4. Странные дела

Суббота получилась беспокойной. Волка по-прежнему не было в зоопарке, и тот шустрый мужичок тоже исчез, а зайти в контору Катя не решилась. Зато она сдала законченный перевод, и за него сразу заплатили. Повезло с ним. Вот предыдущий, полученный через биржу фрилансеров, вымотал нервы – не зная английского, заказчик умудрялся на каждом шагу придираться и поучать. Нашлось ещё задание – перевести инструкцию к навороченной мультиварке, это вообще легко. По пути домой она снова купила лапшу и к ней сосиски, а ещё захотелось сладкого печенья. Но печенья быстро перешло, и теперь сдобный ванильный запах из пакета раздражал, хоть выбрасывай.

У калитки её окликнула тётя Аня, соседка.

– Катенька, а я тебе яблок набрала! – она держала в руках корзинку. – Есть некому, а варенье ещё с прошлого года стоит, куда его девать!

– Спасибо, тётя Ань, – Катя взяла корзинку.

– А калитку хорошо закрываешь? – соседка придвинулась ближе, – а то собаки у тебя по двору бродят.

– Какие собаки? – Катя почувствовала холодок на спине.

– Ну видела я одну, здоровую такую. Овчарка? Да их развелось...

– А какая она была?

– Да мелькнула, я не разглядела. От дома и в смородину. У тебя дыр в заборе нет? Мужик-то твой съехал, или как? – вдруг заинтересовалась она.

– А пойдёмте чаю попьем, тётъ Ань? – предложила Катя.

Почему-то страшно стало идти одной через двор и заходить в пустой дом. И очень хорошо, что есть печенье к чаю.

Зайдя, Катя тут же увидела приоткрытое окно – и сердце пропустило удар. Чашка с остатками молока, забытая утром, упала со стола, молоко разлилось лужицей и успело подсохнуть. Катя зажгла свет и присела на корточки, присмотрелась – несколько «молочных» следов были хорошо видны в отражённом свете. Следы лап, собачьих, крупные следы.

Или не собачьих?..

– Ты это чего? – соседка тоже нагнулась. – Ох, батюшки. Растяпа ты, Екатерина. Почему окно на шпингалет не закрыла? Тогда уж пиши на двери, дескать, лезьте ко мне, люди, мне для вас ничего не жалко!

Тетя Аня ворчала, а Катя радовалась, что не одна. Она закрыла окно, вытерла пол, поставила на огонь чайник, зашла в каждую из двух крошечных комнаток, заглянула под кровать и во все углы. Никого. Хорошо...

Соседка ходила следом и бубнила:

– Так говорю же, убежала псина, я сама видела. От дома сиганула и убежала. Ох, Катька! Мужика тебе надо путного.

– Ой, где они, путные? – отшутилась она. – Выдавали бы их с сертификатом...

– Чтобы и хозяин был, и тебя направлял, и заботился. И за крышей вон надо смотреть! – соседка ткнула пальцем в пятно на потолке, – а то выбираете себе тьфу кого. Звону много, а без толку. Вот приедет сын к Ерошниковым, что на углу, познакомлю. Хороший мужик, ты уж не теряйся. Постарше тебя, так и ты не девочка...

Её слова слились в непрерывный гул. Катя тяжело оперлась руками об стол – в глазах потемнело.

Вдох, ещё один...

Тетя Аня замолчала и смотрела подозрительно.

Отдышавшись, Катя быстро заварила крепкий чай и накрыла на стол. Хорошо, что есть печенье. Сахар себе она добавлять не стала, на печенье старалась даже не смотреть. Захотелось подсыпать немного соли из солонки, но не при госте же. О, яблоки! Уже лучше. Она взяла одно из корзинки и стала есть, запивая чаем. Посолить бы ещё яблоко...

– Ты часом не беременна, дорогая?.. – тётя Аня смотрела так, словно это был риторический вопрос.

– Нет-нет, что вы! – вскинулась Катя. – Это у меня гемоглобин низкий. Голова кружится. Таблетки назначили.

Не хватало ещё, чтобы вся улица обсуждала её беременность.

– А, ну ладно тогда. Ты уж лечись. Яблочки вон ешь, полезно, там железо... – и разговор потёк сугубо светский, про здоровье и погоду, и кто из известных людей развёлся, а кто родил за последнее время...

Когда она ушла, Катя заперла дверь, что нечасто делала днем, проверила все замки и задвижки, и какое-то время сидела за переводом, вздрагивая от каждого шороха. И кого ей бояться, спрашивается? Данира? И как бы он её нашёл? Вот и дама из зоопарка сказала, что это невозможно. Животные могут вернуться домой за много километров – но домой! Туда, где они жили! И потом, она разве боится Данира? Это ведь отлично было бы, если бы он пришёл к ней и никому больше не попался.

В конце концов она махнула рукой на работу и опять налила себе чаю, теперь добавила сахар – захотелось сладкого. Ещё бы и шоколада кусочек. И вообще, покончить бы скорее с этим гормональным безумием!

Неужели сегодня к ней приходил Данир? Его ищут, а он ищет её?..

Она заварила и съела лапшу, сделав её поострее, и приготовила кофе. Включила телевизор...

Телефон зазвонил около десяти вечера, и номер определился. Катя глазам не поверила – звонили из дома Савериных.

– Аллё? Катенька? – нежный голос Юланы донёсся, как из прошлого. – Ты ведь в городе сейчас? Как хорошо, я тебя застала!

– Юланка, о, привет! – обрадовалась Катя. – Ты вернулась?

– Ненадолго! Послушай, тут для тебе деньги есть невы-

плаченные, около шестидесяти тысяч. За что начислили, не знаю, почему не выплатили, тоже не знаю. Отложены тебе, а карту ты аннулировала, не перевести. Тут так написано. Приезжай заberi. Приезжай сейчас?

Ну чудо какое-то. Фантастика.

– Юлана, нет! Может, ошибка? – удивилась Катя, подавив желание ущипнуть себя за руку. – Столько времени прошло, я давно всё получила!

– Вот же несговорчивая, – расхохоталась Юлана, – её не платить просят, а получать, а она упирается! Приезжай, ну пожалуйста!

– Конечно, я завтра же приеду! – решила Катя. – Скажи, когда! Кстати, могу дать номер новой карты.

Такие деньги – это же хватит на частную клинику, на операцию, на хороший наркоз. Это счастье просто! Хотя с Юланой она хотела бы повидаться и без всяких денег.

– Ка-а-а-ать, – вздохнула Юлана, – Вот ты вредная! Я утром уже уеду! Посмотри на часы – время детское! Вызови такси, я компенсирую. Хочешь, сама вызову? Переночуешь тут! Ну пожалуйста, ну приезжай. Я пиццу заказала, роллы. Посидим...

– Хорошо, хорошо, уговорила!

Посидеть, поговорить, расспросить. Да-да, это всё здорово. Но странно – Юлана, что же, явилась в город на один день? Или на несколько, но была страшно занята, потому и позвонила в ночь перед отъездом?..

– Ура-а! Жду! – завопила подруга.

– Юлана, ты знаешь про Данира? – не удержалась она. – Вот зачем вы его отдали, как же так вышло?

– Да всё уже хорошо, – серьезно ответила та. – Ты беспокоилась, да? Ну приезжай. Жду, жду...

Катя быстро собралась и вызвала такси. Хотела выйти к калитке, уже положила руку на ручку двери, и замерла – стало страшно выходить одной в пустой темный двор. В фонаре над её порогом вчера перегорела лампа, у соседей тоже темно...

Из глубины памяти взглянули янтарно-карие глаза аиы Лидии.

– Обычно всё не совсем такое, каким кажется. И не слишком простое. Привыкай, девочка, и будь осторожна...

Тогда она не поняла, к чему осторожность. Всё было в порядке, всё было хорошо. Она сидела в кресле в комнате старой дамы – в комнате, залитой тёплым светом от лампы с золотистым абажуром, там приятно пахло, а в стекло билась ночная бабочка.

– Тебе колечко нравится, я вижу. Очень хорошо. Носи, – аяя Лидия улыбнулась. – Я рада. Мы поговорим завтра. Я отчего-то устала. Плохо быть такой старой и слабой, да? Завтра. Хочешь книгу? Возьми любую. Книги для того, чтобы их читали.

Точно, зайдя в комнату, Катя невольно засмотрелась на корешки книг в шкафу. Много классики, русской и зарубеж-

ной, на русском и английском, и ещё на каких-то языках, и – надо же! – были фентези и фантастика, тоже разные, от старых до новейших. Надо сказать, только тут был шкаф, забитый книгами, все остальные Саверины, кажется, читали с гаджетов. И ещё книги имелись в кабинете Игоря Николаевича – не такие, конечно.

Катя взяла с полки рассказы Азимова. Их легко найти в интернете, но почему не пошелестеть страничками?

– Ты должна быть осторожной. И внимательной, – повторила айя Лидия на прощание. – Верь своему нюху, своим ушам и своему сердцу. Остальное неважно. Приходи завтра.

Они действительно поговорили на следующий день. Лучше бы не говорили, и всё оставалось бы спокойным, правильным и тёплым – как свет под тем абажуром.

К чему это вспомнилось? Она должна быть осторожной? Из-за собаки, которая забралась в дом, потому что Катя не закрыла окно.

Лучше просто успокоиться. Быть осторожной. Осторожной, осторожной, осторожной...

Темнота пугала. Рука не желала отпирать дверь. Что, и тут гормоны виноваты?..

Ничего, когда машина прибудет, ей позвонят.

Айя Лидия тогда заболела. Переволновалась, давление, возраст – так это объяснили. Собственно, Катя прекрасно знала, что произошло, и даже отчасти была виновницей.

Точнее, они с Даниром.

Они отправились в лес вчетвером – Алита тоже поехала. Прекрасное место, деревья давали густую тень, порхали бабочки, река сверкала под солнцем. Очень хотелось купаться. Заросший кустарником берег, острова кувшинок, в реку вели мостки из потемневших досок, и никого вокруг!

– Катя с Даниром могут купаться, потом вместе побродим по роще, – сказала Алита. – Тут рядом родник. Кать, а сходим сначала за водой? Взяли только кофе, а воды хочется! Пойдём, Данир!

У машины осталась аяя Лидия, задремала в складном кресле. А они сходили на источник, набрали в канистру обжигающе холодной воды и вернулись к реке. Возвращаясь, о чем-то говорили, смеялись. Алита понесла воду к машине, махнув Кате – ступайте, дескать! А та хлопнула Данира по спине, отправляя его вперед, и побежала следом, на ходу избавляясь от одежды.

Кусты, кусты, на них полетели юбка и футболка... поворот, потом сразу мостки...

Данир выскочил первый, и почти сразу Катя услышала истошный крик и плеск воды. Когда она ступила на мостки, Данир уже прыгнул в реку. Потом и Катя прыгнула и нырнула, не сообразив ещё, что произошло, но понимая, что кого-то надо спасать и этот кто-то почему-то не барахтается и не пытается выплыть. Данир справился сам, вытащил на мостки худенькую девочку лет десяти-двенадцати. Девочка

не шевелилась, на её лбу наливалась кровью ссадина. Тут же подскочила Алита, и уже бежали по берегу мужчина и женщина, женщина что-то кричала...

Девочку привели в чувство, Алита и мужчина, который сразу принялся деловито помогать. Мать бегала и причитала, и толку от неё не было совсем, как, впрочем, и от Кати, но та хоть не мешала. Алита и мужчина справлялись и оба знали, что делать. Данир отошёл до края мостков и отряхнулся, как огромный пёс, разбрызгивая вокруг себя воду, чем привлёк внимание женщины.

– Но это же волк! – громко изумилась она. – Вы натравили волка на мою дочь?!

– Это всего лишь собака, – возразила Катя, мысленно извинившись перед Даниром, – большая собака. Он спас вашу дочь. Вы разве не видели?

Она отчего-то испугалась за Данира. С девочкой, уже понятно, всё было в порядке, если не считать ссадины на лбу.

– А кто её ударил?!

– Думаю, она ударилась о мостки, – Алита подняла голову. – Не кричите, пожалуйста. Вам лучше всё-таки съездить в больницу, это рядом. Вдруг сотрясение. Но это перестраховка, конечно.

Мужчина кивнул и понёс дочь к своей машине.

– Но это волк. Я биолог, я ученый! Это волк. Без намордника! Как вы могли выпустить волка?! Он не бешеный? У вас есть справка? Вы ответите! – не унималась женщина, –

он её, возможно, укусил! Скажите спасибо, что...

Она кричала, фотографировала их всех и машину, угрожала судом и ещё какими-то карами. Алита возилась с ней дольше, чем с девочкой – успокаивала, объясняла, обещала справку и ещё что-то, обменивалась телефонами. Лишь увидев, что побледневшая ая Лидия медленно сползла на траву, женщина умолкла и поспешно заковыляла к ожидающему у машины рассерженному мужу.

Ая Лидия очнулась быстро, но выглядела откровенно плохо и странно. Она была бледная до синевы, её глаза возбуждённо блестели, бескровные губы беззвучно шевелились, а причёска, всегда аккуратная, отчего-то растрепалась и напоминала воронье гнездо.

– Бабушка! – Алита поднесла к её губам стакан с водой, – не надо было, и так обойдется! Тебе вредно. Это несчастный случай, кто мог подумать? Мы ведь не видели, не знали...

Да, они не увидели, что больше не одни на реке. А ая Лидия спала.

– Как же здесь всё трудно, – прохрипела она по-сандански, – магии так мало, так мало. Это я виновата, не доглядела, простите, милые мои.

– Бабушка, тебе нельзя звать магию. Пойдём в машину, мы возвращаемся, – Алита тоже говорила по-сандански, поэтому Катя не была уверена, что поняла правильно.

Про магию – может, идиома какая-то? Не буквально же это понимать!

– Ты молодец, Данир, – она присела рядом с волком, обняла его. – Ты лучший. Люблю тебя больше всех!

– Потом объяснитесь, влюблённые! – фыркнула Алита, – давайте-ка поторопимся!

Айя Лидия не поднимала головы от подголовника, Алита сунула ей под язык какую-то таблетку.

– А много у тебя всех, Катенька? – вдруг спросила она. – Данир лучший, а всех ты как любишь?

Вот же нашла время доставать глупостями! И это молчаливая и сдержанная Алита!

– Я его одного люблю! Кто-то сомневается?! – огрызнулась Катя.

Да никто не сомневался. Над их дружбой и так подшучивал весь дом. Ну и что?

Потом Алита молчала. Данир свернулся на заднем сиденье. Катя сосредоточенно вела машину, стараясь доехать быстрее.

Вообще-то Данир спас человека! Да, если бы не он, девочка не упала бы в реку. Однако без него всё могло быть и хуже, потому что из Кати спасатель откровенно неважный – хотя она и старалась бы, конечно! Всё хорошо, что хорошо кончается. И было понятно, что формально они виноваты. Они гуляли с волком без поводка и намордника, при том что, скорее всего, волк вообще обязан был сидеть в клетке!

Происшествие уладили. Осталась болезнь айи Лидии. Следующим вечером старая дама выглядела бодрее.

– Да всё хорошо с давлением, – махнула она рукой, когда Катя спросила о здоровье. – Я допустила перерасход. Истощилась, говоря проще. Это опасно для таких старых развалин.

– Перерасход – чего?.. – Катя не поняла.

– Сил, сил, конечно, – аяя Лидия пошевелила пальцами. – Я хотела убрать последствия. Испугалась. Неважно. Нам надо поговорить, дорогая. Там, в шкафу, альбом с фотографиями, дай мне его.

Альбом был красивый, старый, в тиснёной коже и с картонными страницами. Аяя Лидия неторопливо раскрыла его, перелистнула.

– Это мои внуки. Дети Гархара. То есть Игоря Николаевича. Взгляни.

Фото симпатичных длинноволосых парней заставили бы дрогнуть любое девичье сердце. Вот именно, длинноволосых – девичьи сердца дрожали бы не только от восторга, но и от зависти, потому что зачем парням такие шевелюры? У обоих – волнистые кудри ниже плеч, от висков часть волос заплетены в косы. Такие мужские причёски были в каком-то фильме про викингов.

– У нас мужчины не стригутся коротко, это обычай, – пояснила аяя Лидия, заметив Катин интерес. – Пока у них сыновья не повзрослеют. Другое дело здесь, чтобы не выделяться.

– Какие интересные обычаи, – удивилась Катя.

– Портреты сделаны давно, больше десяти лет назад. Дарису здесь двадцать лет, Даниру – восемнадцать.

– Даниру?..

– Да, он вот, – аяя Лидия показала на фото, её губы дрогнули в грустной улыбке, – А это он на празднике, в полном костюме.

Парень выглядел шикарно и очень маскарадно, хоть в кино снимайся, а на поясе у него висел меч в ножнах. Меч?..

– А меч настоящий? – заинтересовалась Катя.

– Затупленный. На праздниках часто дерутся, так это чтобы никого не ранить. С родовыми мечами мальчишкам баловаться не дают. Магическое оружие – это серьёзно. Его старшие надевают, тоже по праздникам, – аяя Лидия снисходительно улыбнулась.

Кажется, «домашняя» жизнь Савериных была то ещё кино!

– Магическое оружие?..

– Данир нравился девушкам, но сам не очень на них смотрел, – продолжала аяя Лидия. – А потом он полюбил, и решил жениться именно на ней. Он был такой. Не признавал компромиссы. Это и привело к несчастью. К непоправимому. Они были бы совсем взрослыми теперь, мои мальчишки...

Катя прикусила губу, поняв, что старая дама сказала «были бы взрослыми». Они оба погибли, значит? Кажется, это печальная семейная история.

– Мне так жаль, – сказала она искренне.

– Ещё бы, – поджала губы хозяйка. – Итак, им следовало жениться. Готовили общую свадьбу, был бы большой праздник. Я так радовалась. Это и счастье, и немного грустно. Ты понимаешь, да? – она смотрела в глаза Кате, – ничего, поймёшь, на свадьбе своих сыновей и внуков. Невеста Дарриса не была названа. Невеста Данира готовилась к свадьбе и очень ждала её. Но он... – она прикрыла глаза и помолчала немного.

Катя не мешала и вопросов не задавала. Скорее всего, ая Лидия просто хотела выговориться, и чтобы её послушали.

– Поначалу мальчики оба были помолвлены, но помолвку Дарриса расторгла семья невесты. Он присмотрел себе девушку. А Данир давно имел невесту, Лероку из семьи Габинов, но полюбил другую. И попросил расторжения помолвки. Это был бы очень хороший для клана брак. Габины – сильный степной клан. Но решили сделать, как хочет Данир. Габины предложили, чтобы Лероку взял в жены Даррис. Они хотели свадьбы. Даррис тоже отказался. И мы договорились о размере отступного. Девушка решила по-своему, она приняла яд и умерла.

– Как же ужасно, – не удержалась Катя.

– Девочка была оскорблена тем, что её отвергли двое мужчин сразу. Пусть они и родные братья. Она хорошо держалась, но её сердце было разбито. И она решила умереть. Это странно. Я сделала все возможное, чтобы смягчить... – она вздохнула. – Была уверена, что удар её не ранил. Подарила

духи. Ты ведь не слышала про аромагию, дорогая? Ещё услышишь. Думаю, это влияние семьи. Той же бабки. У неё была сильная магия! Она потом прокляла моих внуков. Обоих. Старая бабка Габинов, сильная колдунья. Она заклала их на смерть. Даррис уже умер. Когда минул назначенный срок. Даррис ведь был ни при чём! Только отказался от невесты, о которой до того и не помышлял! Это жестоко...

Слова всегда разумной айти Лидии походили только на бред. Кате стало не по себе. Она вообще к рассказам про проклятья относилась как к байкам и не иначе. Если кто-то умер, то это печально, но зачем тут страшные сказки?

Старая дама продолжала:

– Даррис умер, потому что мы не оценили опасность. Решили, что заклятье касается только способности менять облик и усечения магии. Проклятья всегда действуют на магические возможности. Лишить силы почти совсем – это тоже серьезно. Но чтобы на смерть... Даниру повезло больше. Отец отправил его сюда. Здесь не магический мир, и получился странный эффект: у Данира не получалось принять человеческий облик, он мучился из-за этого. Оказывается, это спасло ему жизнь.

Катя понимающе глянула в сторону книжного шкафа, где на полке стояли яркие томики современного фэнтези. Можно потом поискать, какая именно из книг так впечатлила Старую Даму...

– Колдунья сделала это сгоряча, от горя, – продолжала

айя Лидия. – Я её понимаю. Только представить, что такое случилось с какой-то из моих девочек! Но нельзя заклинать на смерть, особенно в гневе. Это против всех законов... – она сжала губы. – Но Данира ещё можно спасти. Если узнать ключ.

– Ключ?..

– Проклятье можно снять, если знать, как. Знать условие и выполнить его. Условие называют ключом. Колдунья наверняка его произнесла, оно есть, но мы не знаем. А теперь... есть небольшой шанс, если ты поможешь, – она пристально смотрела на Катю.

Катя не знала, как ей быть. Подыграть?..

– Я богата и могу заплатить, – айя Лидия неверно поняла сомнения Кати. – Деньги, драгоценности. Что хочешь. Наверняка Данир женится на тебе, ты станешь одной из знатнейших женщин Веллекалена. Если не получится, я всё равно заплачу. Ты не пожалеешь, – она крепко сжала Катину руку.

– Данир, ваш внук, всё-таки жив?..

– Конечно. Ты не поняла? Он вынужден жить в лике волка. Здесь. Это тяжело. Это бывает хуже застенка! Помоги ему стать человеком, мужчиной, и он будет твой. Уверена, ни на кого больше он и не посмотрит. Вот, смотри! – айя Лидия достала из-под подушки маленькую шкатулку.

Кате захотелось сбежать немедленно. Позвать к айе Лидии кого-то, кто в курсе её болезни и знает, что с этим делать. И

она совсем не желала ни денег и драгоценностей, ни тем более замуж за незнакомого рокового красавца, из-за которого травятся и которого проклинаяют...

Она осталась сидеть под горящим взглядом айи Лидии. А та открыла шкатулку – всю её занимала свернутая шёлковая ткань, белая в тёмно-бурых пятнах.

– Это кровь на платке. Тебе нужен храм Богини-Матери в городе Харрое. Это север Веллекалена. Туда придётся долго добираться, потому что сначала ты попадешь в Бирступ, это столица королевства. Тебе дадут сопровождение и всё необходимое. Золото для храма. Тут мелочиться нельзя. Поездка будет приятной. Развеешься. Дело в том, что в Харрое объявилась одарённая ведунья, стала служить при храме. Она способна прочесть секрет проклятья. Мужчина не может прийти в такой храм. Это обычай. Я могу послать лишь женщину. И то не всякую.

Тут Катя не могла не подумать, что уж женщин в распоряжении айи Лидии полно – и это без неё. Кроме Юланы и Алиты есть другие родственницы, которые появлялись ненадолго, Катя не всех помнила по именам. Не всякую – а какую?..

– А почему я? – не удержалась она, хотя понимала, что не стоит задавать уточняющие вопросы помешанной.

– Так надо, – отрезала айя Лидия. – Ты узнаешь ключ к проклятью. Как его снять. И никому не расскажешь, только мне. Я решу, что делать. Мы ещё обсудим подробности. Хо-

чешь задаток? Я переведу на твой счёт миллион, – она захлопнула шкатулку и спрятала её.

– Не надо миллиона, пожалуйста, – вздохнула Катя.

– Надо. Не спорь, – ая Лидия устало откинулась на подушки, – и не говори никому о нашем разговоре, поняла? Я сама скажу айту Гархару и всем, кому нужно. Ты отправишься через шесть дней, так что приготовься, доделай свои дела. Может быть, придётся задержаться. Портальные коридоры закроются. Это ничего. Вещи не собирай, я обеспечу тебя всем, – она опять улыбнулась и прикрыла глаза.

Вот так-то, и она ничуть не сомневалась, что Катя послушно возьмёт её миллион и отправится куда-то там в места со странными названиями, в храм какой-то матери – выяснять, как снять проклятье с волка...

Катя на цыпочках вышла из комнаты и прикрыла дверь. Никому ничего не сказала. Зачем, если состояние бабушки и так известно? Может быть, завтра всё забудется, придёт в норму...

На следующий день аие Лидии стало хуже, приезжали врачи, постоянно стала дежурить сиделка. А Виктор окликнул Катю в коридоре. Подвел всё к той же кофемашине и вручил стаканчик капучино.

– Кать, – он смотрел серьезно, – бабушка ведь говорила с тобой о моем брате Данире? Про свадьбу, про проклятье, и что он волк?

Катя кивнула.

– Вить, ладно тебе, я понимаю. Это её разум так защищается от горя. С ней ведь нормально было всё время, да? Ну вот. Успокойся, подлечится...

– Ты умница, Катюш, – он с облегчением выдохнул, – я боялся, что испугаешься, подумаешь невесть что. Ну понимаешь, её возраст немаленький, и это таким несчастьем было для всех. Гибель братьев, я хочу сказать. Вот она и придумывает, что Данир жив. На него семья рассчитывала, не то что на меня, – он обаятельно улыбнулся.

– Не прибедняйся, пожалуйста. Бабушка любит тебя больше всех, – хмыкнула Катя. – А отчего они?..

– Даррис лихорадку подцепил где-то в степях, а лечиться вовремя не начал. А Данир – позже. Несчастный случай.

– Но он на самом деле расторг помолвку, потому что полюбил другую девушку?

– Да.

– А что теперь с этой девушкой? Которую он полюбил?

– Да что с ней может быть? Давно вышла замуж и растит детей.

И Катя всё-таки спросила кое-что ещё:

– Вить, а что у вас называют магией? Прости, я просто услышала их с Алитой разговор. Какой смысл в этом понятии? Айя Лидия заболела от перерасхода – что это значит? А теперь отчего?..

– А, это... – он усмехнулся. – Ну у вас же экстрасенсы есть? Шаманы всякие, знахари? Вот и бабушка когда-то этим

занималась, лечить могла, боль снимала, и другое разное. Но уже не может, только зря силы тратит, а потом болеет. Сам я не знаю, но говорят, что это тяжело, Кать. И там, у реки, она пыталась магичить. И правильно, ты, что непонятно, всегда спрашивай, Кать. Сама глупости не придумывай, ладно?

Конечно, никакой миллион не появился на её счёте. Через несколько дней айю Лидию, которой стало лучше, отвезли в санаторий. И почти тогда же Руслан написал ей в фэйсбук. Они были немного знакомы, он закончил универ на пару лет раньше. Встретились, выпили кофе, потом снова встретились. В конце концов, Катя не давала подписку не иметь личной жизни, хотя фактически последние годы её не имела. С Даниром тоже стало твориться неладное, он нервничал, рычал, укусил кого-то из персонала – так на него повлияли болезнь и отъезд айи Лидии. Между ним и Катей появилась дистанция. А потом босс сообщил, что в её услугах больше не нуждаются.

В следующий раз она встретила айю Лидию спустя год после увольнения от Савериных – как обычно спокойную и свежую, возле торгового центра. Встретила потому, что машина Руслана случайно оказалась на стоянке рядом с саверинским лендровером. Они все вежливо, даже сердечно поприветствовали друг друга. Данира – не было.

Глава 5. Ловушка

Такси прибыло, конечно же, и доставило Катю к воротам дома на Лесной одновременно с машиной, развозившей пиццу. Охранник, незнакомый угрюмый мужик, без вопросов пропустил Катю и стал расплачиваться за пиццу. В доме теперь светились окна нижнего этажа. Из дверей выскочила коротко стриженная девушка в джинсах и белой футболке с принтом, замахала руками.

– Катя!

Юланка.

Катя была в джинсах и футболке, и холщовую куртку набросила – потому что ночь. В такси уже она хватилась, что нельзя ведь в джинсах на Лесную, но не возвращаться же было! Но раз Юлана так же одета – значит, сойдёт.

Юлана крепко стиснула Катю в объятиях:

– Ну какая ты молодец, что приехала! Пойдем!

Она забрала у охранника коробки с пиццей и легко взбежала по лестнице.

– Пойдём в кухню, Кать! Тут продуктов – мышь повесилась! Я с обеда не ела. А весь обед – кофе в городе!

Она была оживлённой, весёлой. Ещё, может быть, немного нервничала. Коробки в её руках сдвинулись и чуть не полетели на пол.

– Юланка, что с тобой? – Катя забрала у неё коробки.

– Да ничего. Устала просто. Столько дел! Я же тут проездом.

Кухня была идеально чистой и безжизненной – конечно, раз тут давно не готовят. Закипел электрический чайник, и Юлана заварила чай в фарфоровом чайничке. Запах чая, запах ещё горячей пиццы щекотали ноздри и не казались отвратительными, напротив – Катя вдруг поняла, как сильно проголодалась.

– Как ты, Кать? Похудела, синяки под глазами. Не болеешь? – Юлана разлила чай, потрясла сахарницу, на дне которой осталось немного содержимого.

– Всё хорошо, правда, – густой чайный аромат почти сводил с ума, – как же вкусно пахнет. А ты про деньги сочинила, да? Не надо было. Я и так рада тебя видеть.

– Ну ты даешь, обозвала меня врушкой! – восхитилась Юлана. – Ничего я не сочинила. Всё выдам, распишешься в ведомости, – она подцепила пальцами кусок пиццы. – Ещё роллы привезут. Они про задержку предупредили. Хочу наесться до отвала.

Пицца была тоненькая, хрустящая, со всякой всячиной и вся облитая тягучим сыром, вкусная до невозможности. Катя медленно откусывала и жевала это произведение кулинарного искусства, и ей хотелось урчать от удовольствия. Она так давно была голодной, и вот мерзкий токсикоз отступил, именно здесь, в этом доме, где когда-то жилось так хорошо, в этой кухне, где когда-то было всего много и всё было вкус-

но! Роллы, говорите? Ну, можно и роллы. Вот возлюбленный доширак ей сейчас лучше не видеть...

Огромный волк возник в дверях неслышно, как тень. Катя застыла с чашкой в руке.

– Данир? – Юлана обернулась. – Ну иди сюда. Хватит нас пугать. Кать, отомри. Знаешь ведь, что он тебя не укусит.

Волк опять был свободен, как всегда тут – ни клетки, ни поводков с намордниками. И двинулся, мягко ступая, прямо к ней. Ткнулся лобастой головой в её колено, потёрся.

– Привет, Данир, – она перевела дух и несмело погладила его по шее.

Он повернулся, прошёлся мохнатым боком по её ноге – как очень большой кот. И совсем не верилось в то, что он может кого-то укусить. Ей задышалось легче.

– Эй, я вам не мешаю, голубки? – хохотнула Юлана. – Со-сучились, вижу. Ты по нему скучала, Кать, скажи? По этому хитрому и клыкастому серому страхолюдину?

– Очень! – честно призналась Катя.

Она опять погладила волка, уже смелее запуская пальцы в его мех. Да, она скучала...

– Он кого-то ранил, мне сказали.

– Кать, за то, как с ним обращались, разрешается убивать, – вдруг сказала Юлана каким-то другим, непривычно жестким тоном. – Не здесь, конечно, не у вас. У вас не принято уважать животных. А это неправильно.

Дискутировать на эту тему Кате совсем не хотелось. И Да-

нир напрягся, вроде явно пока не рычал, но был к этому близок, и пальцами, которые перебирали шерсть волка, Катя ощутила этот зарождающийся рык.

– Ничего, мы что-нибудь придумаем, да, Данир? – быстро сказала она, продолжая его гладить. – А как он вообще в зоопарке оказался, Юланка? Я знаю про аварию, да. Несколько дней назад узнала. И что, его совсем некуда было деть? И как же так вышло... эта авария?

Слишком много вопросов она выпалила сразу, но что поделаешь, они все вертелись у неё в голове.

– Как... нелепость, вот что. Ночью. Они вообще остановились у обочины, а на них налетел на полной скорости пьяный дебил на газельке. Там было без шансов, и дебилу, и всем нашим. А меня даже не было тут. И Виктора не было. Мы про Данира не знали ничего. А ты не вышла тогда замуж?

Катя отрицательно качнула головой.

– И не собираешься?

– А что, по мне похоже, что я собираюсь замуж? – она даже рассмеялась.

– Не очень похоже. Но я должна была спросить.

– Наверное, я никогда не выйду замуж. Делать там нечего, – сказала Катя, ни капли не лукавя, – знаешь, я поняла, что хочу принадлежать только себе, быть свободной в поступках, не зависеть ни от кого. Я сейчас правду говорю, Юланка. Побыла почти замужем, и хватит.

– Понимаю. Меня саму никак замуж не прогонят! Хотя

отец уже в ярости, и дядя, – хмыкнула Юлана. – Я даже волосы стригу, видишь? Чтобы не сватали. Но у тебя другое. Ты была не с тем, так что ничего выйти и не могло. У вас любовь взаимная, – она показала взглядом на волка, который уже улёгся в ногах у Кати, тесно к ним прижавшись, так что она словно засунула ноги под теплый коврик.

– А, ну да, – привычно кивнула та, решив, что это опять шутка.

Про них с Даниром Юлана шутила часто.

– Твоё кольцо... – продолжала подруга серьёзно. – Оно тебе нравится, ты его носишь. Это и означает, что вы подходите друг другу. Ни с кем другим быть не сможешь. Разве что встретишь кого-то очень похожего, тогда да...

– Юланка, о чем ты говоришь?..

– Если я объясню, ты не поверишь и рассердишься... Хотя... Бабушка с тобой говорила о моем брате Данире, кажется? Не знаю, что именно она тебе сказала. Что она тебе сказала?

– О его помолвке, о смерти невесты и о проклятье... – о том, что её хотели послать в «командировку» за антидотом к проклятью, Катя промолчала, не желая касаться душевной болезни покойной айти Лидии.

Она почувствовала, как волк дернулся, подобрался, ощутила то ли его недовольство, то ли волнение...

– Самоубийство – это же ужасно. Прости, но твой брат причинил той девушке горе, когда бросил её. Чем ей грозил

разрыв?

Волк снова дернулся.

– Да ничем особенно! – глаза Юланы сердито блеснули. – Царапиной на самолюбии. Без ущерба чести, поверь мне! Мы заплатили бы много денег, её приданое возросло бы. Она вышла бы замуж, пусть за человека менее знатного. Это ведь не смертельно? Может быть, чуть-чуть обидно, но из-за такого точно не умирают!

Юлана старалась быть убедительной, но лучше бы не старалась – отношение Кати к её якобы невинно проклятому брату уже было не самым лучшим. Умирают, не умирают... Просто так не уходят из жизни добровольно. Значит, девушке было очень плохо, и виноват в этом брат, а что родные его оправдывают – как же иначе?

– Из-за её поступка семья многое не получила, вот и всё, – сердито закончила Юлана, – всем стало плохо.

– Юлана, а как будем спасать Данира...этого Данира, я хочу сказать? – решила Катя уйти от неприятной темы. – В зоопарк ему нельзя, отпускать – нельзя. Он же опасный, его теперь просто подстрелят, да?

– Возможно, – кивнула Юлана.

– Его увезти надо. На машине. Но как без документов везти волка, если остановят... Как его спрятать?

– Он и сам может уйти, лесами, очень далеко. Тут есть, куда идти. Он не хочет, Кать. Ты с ним пойдешь? Далекое в глухой лес? – это опять казалось шуткой, причем какой-то

уже неуместной, хотя Юлана смотрела серьезно.

– Я?! И зачем я ему в глухом лесу?

– Вот и он так считает. Я не знаю, правда. Что делать, не знаю. И за него решать не могу. Не смею.

– Юлана?..

Серьезный тон подруги сбивал с толку.

– Что там, роллы привезли наконец?.. – вдруг Юлана вско-
чила, прыгнула к противоположной стене и нажала выключатель – свет в кухне погас.

Штору на окне Катя отдернула сама, и увидела, как в раз-
двинувшиеся ворота во двор въехала машина, за ней – дру-
гая. Это, конечно, не роллы привезли.

– Вот же демоны, – пробормотала Юлана. – Кать, пошли.
Быстрее, пожалуйста!

Она за руку потащила её из кухни, волк бросился за ними.

Они бежали в другое крыло дома, там не было света. Впрочем, Катя всюду в доме неплохо ориентировалась, мно-
го раз приходилось ходить. Она помнила, что там коридор, а
в конце его – выход в сад. Но что происходит, зачем бежать?
Да, требовать объяснений на бегу как-то глупо, но ничего не
понимать – ещё глупее.

– Юлана, что случилось?!

– Потом, Кать, – Юлана захлопнула за собой дверь и за-
перла её поворотом ключа.

– Юлана, что это за люди? Почему ты их боишься? Она за

Даниром приехали, да?!

– Нет. Да. Всё в порядке, главное, ничего не бойся. Бегите. Да бегите же!

И тут Данир рывкнул на Катю, подгоняя, так рывкнул, что её как ветром бросило на несколько метров вперёд. Волк тоже прыгнул, и что-то полетело им вслед, большое и мягкое. Катя не удержалась на ногах, упала и прокатилась по пожухлой траве.

По траве?.. Откуда трава, они же в доме?! Только что под ногами был плиточный пол. А теперь – трава, влажная. И земля. И... она ладони разодрала, падая, вот что.

Данир был тут, стоял в паре шагов и смотрел на неё. А Юланы не было. И сумки, между прочим, где лежали ключи, кошелёк, телефон – тоже не было, она осталась в кухне на Лесной.

– Данир, что это? – пробормотала Катя, приподнимаясь и оглядываясь.

И дома на Лесной не было тоже. Темень, звезды на небе, луна светила так, словно её протёрли. Какие-то кусты с пожелтевшими листьями рядом, чуть дальше – деревья, и – холодно! Намного холоднее, чем час назад. И совсем ничего непонятно.

Данир подошёл и лизнул ей руку, и толкнул головой, как будто предлагая успокоиться и не паниковать. Как же, будешь тут спокойной! То ли она бредит, то ли творится что-то очень странное!

Данир вдруг отшатнулся, отпрыгнул в сторону, рыкнул на Катю и бросился в кусты.

– Данир! Данир, стой, не убегай! Не убегай, ну пожалуйста! – она вскочила.

Одной ей стало страшнее вдвойне, словно из них двоих он, зверь, знал, что происходит и что надо делать. Чепуха, конечно! Но с ним она была не одна, а это уже дорогого стоило!

Что сделала Юланка, как она могла?! Очевидно ведь, что Юлана была полностью в курсе происходящего. А она, Катя, как будто потеряла сознание и перенеслась в другое, совершенно незнакомое место. Или, тогда уж, её привезли куда-то и бросили... да, так и получается.

Она вздрогнула, услышав звериный рык, и почему-то не усомнилась, что это Данир. Рык странный, пополам со стоном, и ещё с негодованием, пожалуй. И не хватало ещё, чтобы с Даниром тут что-то случилось!

Она пошла в ту сторону, куда убежал волк, осматривая заросли. Поняла, что вроде идёт по тропинке, при этом под ногами полно камней, и не ровно, а то вверх, то вниз, а скоро вообще начался пологий склон. И опять стон, уже близко...

– Данир! Ты где?! – она бросилась туда, продираясь через колючий кустарник.

Данир...

Существо, что корчилось у неё прямо под ногами, было её волком. Но уже не вполне. Непонятная сила его выгиба-

ла и корёжила, выворачивала конечности, ломала туловище, словно ставила своей целью вылепить из волка нечто совсем иное. Луна светила так же ярко, любезно помогая рассмотреть весь этот ужас в подробностях. Катя застыла на месте, сдерживая крик. Спешила помочь, а столкнулась с чем-то таким, чему ни помогать, ни мешать явно не следовало.

Медленно она отошла, а потом побежала. Паника в душе нарастала, и скоро Катя уже неслась, не разбирая дороги, пока нечто большое не прыгнуло на неё, не ударило в бок, сбивая с ног. И это нечто тоже рычало, строго и недовольно. Почти как Данир, но всё же как-то не так.

Катя приподнялась, проползла несколько шагов и встала, прислонилась спиной к большому камню, потому что ноги не держали. Перед ней опять стоял, топорища шесть, крупный волк. Не Данир, точно не он. И этот волк только что набросился на неё, и теперь угрожающе скалился. Катя переступила ногами, волк грозно рыкнул. Похоже, он взял её в плен и отпускать не собирался. Ну ничего, она сейчас отдышится и опять попробует...

Как вести себя с волками? С Даниром таких вопросов не возникало. И что же ей делать теперь? Идти, бежать – не позволят. Попробовать залезть на этот камень? Это был бы выход. Но камень большой и гладкий, на него так просто не залезешь. Деревьев подходящих рядом нет, они дальше, но до них ещё попробуй доберись. И зачем она волку, он желает поужинать, что ли?

Скорее странно то, что она в этом сомневается.

Она сделала осторожный шаг в сторону, двигаясь вдоль камня. Ещё шаг...

Волк наблюдал. Шагнуть ещё раз не дал, рыкнул так, что Катя похолодела и прилипла к камню. Откуда-то возник другой волк, поменьше, он тоже не отрывал взгляда от Кати. И стало совсем очевидно, что спастись следует срочно, а быть разорванной двумя зверюгами – это настолько страшно, что кажется чем-то нереальным...

Тут до её слуха донеслось тихое рокочущее рычание, и волк, негромко рывкнув ещё раз, отступил, помахал хвостом и тоже зарычал, уже не грозно. И Катя увидела, что помимо волков на полянке появился человек – наверное, только что вышел из-за кустарника. И это он перерыкивался с волком. Высокий жилистый мужчина был босой и голый до пояса, точнее, одетый в одни штаны, не по-мужски длинные волнистые волосы падали на плечи.

Волк отошёл в сторону и лёг на брюхо. Второй волк приблизился к мужчине, напрашиваясь на ласку, и тот погладил его по шее, почесал за ухом. А Катя... Вокруг неё всё закружилось, как на карусели, и стало меркнуть, заменяясь чернотой: кусты, волки, луна на небе, трава и незнакомец, который не сводил с неё глаз...

Глава 6. Знакомство

В большой печи горели, потрескивая, сучковатые поленья. Наверное, печь топилась уже давно, нагрелась и дышала жаром, и в комнате было тепло. Катя лежала на кровати под пестрым лоскутным одеялом, пахло распаренными травами, на столе горела, мерцающая свеча. Казалось так спокойно, уютно, хотелось опять уронить голову на подушку и спать-спать, до утра как минимум. Но стоило всё вспомнить – и сон как рукой сняло. Она села, отбросила одеяло, огляделась.

Он сидел у стола и прихлёбывал из чашки. Человек, который когда-то, как она решила, был волком Даниром. Теперь он выглядел почти нормально и был одет, то есть помимо штанов надел ещё рубашку и безрукавку, а волосы завязал сзади. Он спас её от волков – это бесспорно, остальное – кто знает. Может, это просто у неё глюки, и никогда он не был волком.

Однако вчера был дом на Лесной, а потом сразу вот это. И пицца была с чаем. Пицца была только с доставки, а вот могла ли Юланка что-то добавить в чай? Что-то сносящее крышу. И думать такое о Юланке – наверное, крыша действительно слетела. Но что прикажете думать?..

Встретившись с Катей взглядом, он улыбнулся.

– Очнулась. Привет, – и встал, явно намереваясь приблизиться.

– Нет-нет, не подходит, – она выставила перед собой руки. – Не приближайся ко мне.

Он послушно сел на место, улыбка в его глазах погасла.

– Я понял. Не подойду, не бойся.

– Кто вы такой? – она тешила быть более официальной.

– Не узнала меня? – похоже, он действительно удивился.

– А должна была?!

Вообще, она узнала. Один из двоих парней из альбома айи Лидии. Или их близкий родственник, потому что семейное сходство было налицо. Вот примерно таким, наверное, был Игорь Николаевич два-три десятка лет тому назад.

– Меня зовут Данир Саверин, – сказал он ровно, ударение в фамилии сделал на последний слог. – Бабушка упоминала, что ты видела мой портрет.

– Видела. Мельком и давно, у меня плохая память на лица.

– Понятно. Тогда давай знакомиться заново, айя Катерина, – его губы опять тронула еле заметная улыбка. – Можно всё-таки подойти?

– Это лишнее, – Катя упрямо помотала головой, – мне и отсюда хорошо вас видно.

Айя – обращение к замужней, а не к девушке, она это не забыла. И вся ситуация в целом её нервировала. Чего от неё хотят, зачем это всё? И этот в целом приятный парень, которого какая-то сила корёжила вчера, превращая из волка в человека – но ведь этого не было, правда? Это ей привиделось?

– Хорошо, – он провел по лицу ладонью, заодно убирая назад упавшую на щеку прядь.

Этот жест, чуть сжатые губы – он тоже волновался.

– Где Юлана? Это ведь её стараниями я тут, да? И где же она сама?

– Юлана осталась дома. Кто-то должен был схлопнуть портал, чтобы к нам не явились незваные гости. Она нам помогла... то есть мне помогла, – поправился он, и на его губах снова мелькнула улыбка, теперь виноватая. – Ты очень испугалась?

Очень ли она испугалась? Нет, что вы, она же привыкла к разным глюкам, и от волков бегать – тоже, просто жить без этого не может!

Её стремление обращаться на «вы» он игнорировал, или, предположим, считал, что с её стороны это правильно, а с его необязательно. Катя слышала, что кое-где так принято, в Средней Азии, например.

Она решила выяснить сначала про самое невероятное:

– Схлопнуть портал?.. Зачем? И что такое портал?

Похоже, бред продолжался.

– Скажи, моя, ведь бабушка объясняла тебе, кто мы, где живём, как можно к нам добраться? Понятно, что ты не поверила, но всё же это не должно быть совсем неожиданно, так?

Странно он её назвал. «Моя». Но ладно, это не самое главное сейчас.

– Нет, ая Лидия, если ты её имеешь в виду, ничего такого не объясняла, – она тоже решила ему не «выкаты», раз уж взаимности в этом вопросе не получается. – Она рассказала про твою неудавшуюся свадьбу, про смерть невесты и проклятье. Она считала, что из-за проклятья ты... – она взглянула на Данира, запнулась и закончила уже не очень уверенно, – ты можешь жить только образе волка. Может быть, я её не поняла.

Он кивнул.

– Да, примерно так. Получается, про наш мир бабушка тебе совсем не рассказывала?

– Что значит «ваш мир»? Послушай, я про другие миры только читала, и это были сказки. И я понимаю, что такое сказки, поэтому не говори слова «наш мир» так значительно, пожалуйста. И про портал можно подробнее?

Она ещё надеялась. Может, её вообще снимают скрытой камерой? Кто мог подумать, что Саверины способны такое отчебучить, но ведь это объяснение?

– Давай не будем пока про порталы, – вздохнул Данир. – Просто прими на веру, что они есть, это в целом безопасно, но не очень просто. Да, Юлана помогла. Я её попросил.

– И ты действительно живёшь в образе волка? – всё-таки некоторые вещи довольно медленно укладывались в голове.

Скрытая камера – это замечательно просто и понятно по сравнению с тем, что кто-то может становиться то волком, то человеком.

– Значит, я видела тебя, это правда? Как ты... Нет... – она закрыла глаза. – Пожалуйста, скажи, зачем вы так шутите надо мной? Юлане никогда не прощу...

– Юлана этого боялась. Что ты не простишь. Но она моя сестра и не смогла мне отказать. И я не хотел, чтобы ты видела оборот. Извини. Это больше не повторится. Можно, я подойду ближе, моя? Немного ближе. Вот так, – она напряженно следила, как он берёт табурет, переносит его к кровати и садится, опираясь локтями о колени.

Теперь между ними было не более трёх шагов. Его поза говорила о стремлении приблизиться ещё немного, а она, напротив, отодвинулась, завернулась в одеяло. Он понял, по его лицу прошла тень...

Да что от неё хотят?! Притащили куда-то и теперь пудрят мозги! А Юланка... Надо как следует подумать, что ей сказать! Когда они увидятся...

– Моя, послушай, – сказал Данир. – Я понимаю, ты в шоке. Поэтому не веришь. Я считал, что тебе всё-таки объяснили больше. Я дурак. Но послушай.

Это «моя» он произносил как-то особенно нежно и мягко, так, что в груди сладко щемило.

– Слушаю, – Катя кивнула. – Но ничего не обещаю.

– Ты мне не веришь. Я понял. Это для нас тупик. А давай представим, что ты веришь? Вообрази, что веришь, и отгаликивайся от этого. Давай поиграем так? Слушай меня и задавай вопросы. А потом сама убедишься, где правда, а где нет.

Сама всё увидишь. Согласна? Сумеешь?

Сумеет ли она притвориться, что верит в ерунду? Кажется, он её недооценивает.

– Я должна делать вид, что верю? Ничего себе. Хорошо, согласна, – вдруг она согласилась. – Но это ничего не значит. Потому что на самом деле доверие не зависит от моих желаний.

– Хорошо, – он обрадованно улыбнулся. – Выпьешь чаю? Сразу легче станет, вот увидишь.

Он налил темной жидкости из чайничка в толстую глиняную чашку – для Кати, и в свою тоже добавил. Когда протягивал ей чашку, она покачала головой:

– Дай твою.

Он удивился, потом улыбнулся и подал ей свою чашку.

– Возьми, осторожная моя.

– А если бы ты не успел, и те волки меня разорвали бы? – она обхватила чашку обеими руками.

Пахло питье вкусно, травами и мёдом.

– Что?.. – он засмеялся. – Да они не собирались.

– Откуда тебе знать?!

– Оттуда. Это мои волки. Хорт давно здесь сторож, а Вия его подруга. Они тебя спасали, охраняли. Тут горы, каньон недалеко. Тут нельзя бегать сломя голову, особенно по ночам, особенно если не ориентируешься.

Да, неожиданное объяснение. А волк поменьше – значит, волчица.

– А какие горы? Кавказ, Карпаты, Альпы? – быстро спросила она в надежде его подловить. – Какая страна?

– Это Веллекален, Катя, – сказал Данир. – Волчьи Земли, как ещё говорят. Конкретно – Манш. Самый север Санданы. Катя прикрыла глаза.

«Данир женится на тебе, ты будешь одной из знатнейших женщин Веллекалена», – уверяла аяя Лидия. И при этом забыла спросить, а надо ли, собственно, это ей. И кто же знал, что к этому следовало отнестись серьёзно...

– Чего ты от меня хочешь, Данир Саверин? Зачем я вам? Что от меня требуется? Я должна что-то сделать? Точнее, что мне сделать, чтобы вернуться обратно, к себе домой, и продолжать жить своей жизнью? – кажется, это был самый насущный вопрос.

Данир слабо усмехнулся, покачал головой.

– От тебя я не хочу ничего. Я хочу тебя саму. Зачем? Затем, что я давно влюблён в тебя. Я заявил права на тебя, все согласились. Все наши, по крайней мере. Иначе мой братец точно мимо не прошёл бы.

– Виктор?

– Да, я про него.

– Он мне даже не нравился, – пробормотала Катя, опуская взгляд.

– Да, потому что ты моя, – и это было сказано без тени сомнения.

– Ты сумасшедший, Данир Саверин! – сообразила Катя.

– Нет, – он был серьёзен, – я просто люблю тебя. И чувствую, что ты любишь меня. Иначе я не стал бы это затевать.

– Ты всё-таки сумасшедший, – догадка подтверждалась, и ей опять стало страшно.

С сумасшедшими надо осторожно, кажется. Не злить их, и вообще...

– Нет, – он вздохнул. – Не бойся, прошу. Не надо меня бояться. Только не меня. Я на всё готов ради тебя, поверь.

Не злить сумасшедших – да, конечно. Вот бы ещё самой не злиться...

– А как насчет того, чтобы спросить меня? Чтобы я согласилась? Это тебе неважно, да, Данир Саверин?

– Это очень важно. Но ты согласилась. Я всё время слышал тебя. Твой запах. Ты носила мое кольцо.

– Что? Запах?! Это кольцо?.. – она схватилась за палец. – Ты нормальный, Данир Саверин?!

Нет, так неправильно. Надо же не злить...

– Не снимай, – быстро сказал Данир. – Благодаря кольцу ты прошла портал. Оно понадобится тебе, чтобы вернуться.

– Вернуться? Ты позволишь мне вернуться? Отпустишь домой?!

– Обязательно. Обещаю и клянусь. Вернёшься домой.

Катя вдохнула поглубже. Выдохнула. Вернула кольцо на место. Ну вот, последнее обещание немного утешает.

– Считай, что ты у меня в гостях. На два месяца примерно. Так лучше?

– А давай на один? – предложила она. – Вдруг я тебе так надоем за два месяца, что не будешь знать, как от меня избавиться?

Он изумлённо взглянул на неё, и вдруг расхохотался. Ответил:

– Порталы не работают постоянно. Через месяц не будет прохода, потом откроется на какое-то время. Но ты не надоешь мне и за сто лет. Хочешь убедиться?

– Нет, два месяца – значит два...

Он снова захохотал, но как-то не весело, и отвернулся от Кати.

Два месяца здесь – значит, она еле-еле успеет на аборт. Но успеет, особенно если обратится в коммерческую клинику, там всё делают быстро. Она достанет денег. Всё равно где, но достанет.

– Моя, ты торгуешься – значит, в целом принимаешь предложение?

– Это не предложение! – вскинулась Катя, – это безвыходное положение, в которое ты меня поставил!

– Прости, – в его голосе послышалось искреннее раскаяние, – но у меня ведь тоже не было выхода. Там я мог быть только волком. Мы не могли поговорить. Ты видела во мне домашнего зверя, правильно? Как я мог бы с тобой объясниться? Рисовать буквы лапой? – он снова отвернулся.

– Почему? – тихо спросила Катя. – Почему нельзя было попытаться?

– Как бы ты отнеслась к странному волку? И есть законы, определяющие поведение в чужих мирах. Мы приносили клятвы. Нельзя привлекать внимание. Или семье запретили бы пользоваться межмировыми порталами лет на пятьдесят. Потому, кстати, бабушка так испугалась, когда я вытащил из реки того ребёнка...

– Так, – она обхватила себя руками, – я очень стараюсь делать вид, что верю тебе, Данир Саверин. У меня получается, как считаешь?

– Да, моя, – когда он улыбался, на его щеке появлялась ямочка. – Я вижу, ты очень стараешься. Благодарю.

– Предположим, я верю. Но тащить меня сюда, ничего не объяснив, в угоду своим желаниям перевернуть мою жизнь – это свинство вообще-то, Данир Саверин!

С дипломатичностью у Кати Иволгиной были проблемы. Но помалкивать, не высказать сейчас то, что накипело? Даже если он сейчас так вдохновенно кормит её небылицами!

– Ты имеешь в виду, что я должен был от тебя отказаться. Это тоже выход. Но жестокий для меня. К тому же один раз я уже отказывался. Да, когда ты, моя жена, ушла с тем... – в его голосе появились странные вибрации и ноздри задрожали, а Катя непроизвольно отодвинулась.

– Я не была твоей женой, Данир Саверин.

– Прости, – он быстро взял себя в руки, – ты была в своем праве, моё недовольство неуместно. Тогда я не мог быть мужчиной для тебя и ушёл с дороги. А теперь хочу исполь-

зовать свой шанс. Ухаживать за тобой, понравиться тебе, – пояснил он мягко, перехватив её испуганный взгляд. – Только не отвечай сейчас. Скажи позже. Завтра, например.

– И я могу тебе отказать?

– Можешь, конечно. Но тебе всё равно придётся провести со мной два месяца. Здесь, – он скользнул взглядом по сторонам, словно предлагая ей оценить это не слишком, так скажем, комфортабельное жилище. – Потом продолжим нашу игру, ладно?

– Игру?..

– Когда ты делаешь вид, что веришь. Спрашиваешь обо всем, что хочешь узнать, и опять делаешь вид, что веришь. И... посмотрим. Тут рядом водопад. Хочешь прогуляться? Давай сходим туда? Луна яркая, тебе всё будет видно.

– Но ведь сейчас ночь? – Катю предложение удивило и опять напугало. – Можно, я посплю немного? А утром нам будет проще разговаривать. И мы прогуляемся к водопаду.

Ей действительно страстно захотелось побыть одной в тишине. Подумать. Хотя нет, она не станет думать! У неё тогда совсем голова треснет. Надо хотя бы прийти в себя. А потом она снова сможет играть в эти игры... которые всё больше казались чем-то настоящим. Вот поэтому и следовало прерваться...

– Хорошо, отдохни, – он немного придвинулся к ней вместе с табуретом. – Но вот что я должен тебе сказать. Завтра с рассветом я стану волком. А на закате – человеком. Не бой-

ся, ты этого не увидишь. Я буду здесь человеком только по ночам.

– В этом и есть твоё проклятье? – изумлённо выдохнула Катя.

– Да, моя. Я приду к тебе в волчьем образе – не бойся. Уйду – не бойся тоже. Хорт будет где-то рядом. Всё. Спокойной ночи.

И он ушёл...

Глава 7. Новое утро

Кате не спалось. Она то закрывала глаза, то открывала и смотрела на мерцающий огонёк свечи. Толстая свеча – это как два Катиных запястья сложить вместе, – не собиралась скоро гаснуть, по углам метались тени, и казалось даже, что кто-то вот-вот вынырнет из темного простенка. А страшно не было.

Верить – не верить? И что делать? Довериться?..

Он ясно сказал: я хочу тебя. Волк сказал! Она в плену у волка. Он заявляет, что она его жена. Это тоже было обидно, бесило просто. Она ничья жена, она не выходила замуж. Носила кольцо, полученное в подарок – и что? Кольцо подарила приятная во всех отношениях старушка, с которой сложились прекрасные отношения. Оказалось – кольцо особенное, оно что-то означало. Но она не знала! Использовать её вслепую – это же подло. Так нельзя делать.

Она давно знает Данира – в определённом смысле. Как несомненно любимое домашнее животное. Как зверя, поражающего своей разумностью. И теперь это отношение приходится перевернуть с ног на голову?! Интересно, как она отнеслась бы к парню, если бы сразу увидела его вот таким, как тут, в этой хижине?..

В таких влюбляются с первого взгляда. Она не влюбилась бы, конечно. Только не она. У неё уже сделаны все привив-

ки от этой глупости. Но он же красавчик просто! И он – её волк. С ним она гуляла по лесу, купалась в реке, покупала ему антиблошинные ошейники, наконец! Он был слишком не человек для неё, и это рвало мозг!

Когда-то Катя прочитала пару историй про оборотней, которые крутили любовь с прекрасными девами. Не сказать, чтобы прониклась. Занятный вымысел, когда не можешь поставить себя на место героини. А взять русские сказки – там тоже Серый Волк превращается то в одно, то в другое, и по размерам громадный, раз возит на спине Ивана-царевича. Похож на Данира. Но Елена Прекрасная всякий раз выходит замуж за царевича, а не за волка!

Данир пугает, потому что у него нечеловеческий взгляд на всё, даже когда он неотличим от человека. Ему не важно с ней говорить, ему важен её запах! А для неё запах, если в нём повинны не духи – повод бежать в душ или за влажными салфетками...

Ладно, пусть запах. Запах сообщил Даниру, что он ей не противен. Она его не боится, хорошо к нему относится – это всё так. К волку хорошо относится, конечно. В доме на Лесной большой и страшный... ну, условно страшный волк легко и просто втёрся к ней в доверие...

А Данир-человек – он ей нравится? Что теперь скажет ему запах? Ну, отвращения она по-прежнему не испытывает. И что? Мало ли к кому она не испытывает отвращения! Запах человека меняется в зависимости от его эмоций – она это

где-то читала, да и слышала множество раз. Если бояться собаку, она укусит, ей-де не нравится запах страха. Но чтобы мужчине вместо слов хватало запаха? Даже не смешно.

Катя попыталась вообразить, как должен вести себя Данир-человек, чтобы начать ей активно не нравиться. И не смогла. Ударить её? Наорать? Делать что-то... ну, неприличное, так скажем? Это невозможно было представить, фантазия отказывала. Игорь Николаевич, её покойный босс, был безупречен, доброжелателен, уверен в себе, он излучал обаяние. Пока она не увидит, что его сын ведет себя ровно наоборот – не поверит. Но Данир ведь тоже практически безупречен! Если забыть о том, что он притащил её сюда самовольно. Не давит, не принуждает, разговаривает. Разговаривает! Обещает даже принять её отказ! И отправить обратно через два месяца. Если так и будет, то всё это не так уж и плохо в сложившейся ситуации! Но стоит помнить, что у него особый нюх, и слух, наверное, тоже! А ещё что? Чего опасаться? Может, и не надо себя накручивать, утро вечера мудренее...

Катя проснулась оттого, что замерзла – одеяло сползло и угли в печи остыли, не мерцали алым, и в хижине похолодало. Свеча догорела, но было не темно, полумрак скорее, а чуть в стороне на стене Катя разглядела светлый прямоугольник, положенный на длинную сторону – окно? Значит, уже утро.

Она натянула одеяло и полежала немного, собираясь с ду-

хом. Память услужливо прикатила все воспоминания, и сомнения, и терзания, и всю обиду на Савериных, но думалось об этом теперь иначе – более спокойно, что ли, без надрыва. Она в неизвестном месте, мало того, она в чужом мире – если продолжать делать вид, что верит Даниру, – и изменить это не может. Её жизнь и здоровье вроде бы вне опасности. Значит, надо действовать по обстановке и надеяться на лучшее.

Говорят же, что с любой проблемой надо переспать – правильно говорят.

Пол в хижине был каменный. Вот так, обтёсанные камни, аккуратно уложенные, на мостовую похоже. Наверное, они холодные и зимой и летом, а сейчас снаружи точно не лето. Дома конец августа, а тут похоже на осень.

Свои кроссовки Катя увидела у двери, обрадовалась. Кроссовки у неё классные, удобные и ещё крепкие, хоть ходи, хоть бегай. Обувь – её пунктик, она всегда экономила, чтобы купить хорошую и фирменную. А какая тут у местных обувь, кто знает?

Возле кровати обнаружили войлочные ботиночки-чуни, новые, расшитые нитками и бусинками. Катя сунула в них босые ноги – ага, самая та обувка, чтобы в этом доме не мерзнуть! – и прошлась по комнате, огляделась. Светлый прямоугольник действительно оказался оконным стеклом, толстым, непрозрачным, с наплывами – разве что понятно, день снаружи или ночь. Печь в комнате большая, непривычной конструкции – у Кати в доме тоже осталась дровяная печка, с

плитой и духовкой, бабушка не позволила её разбирать, когда проводили газ. А эта печь – не печь, а очаг какой-то, на русскую похожа, с картинок, но размером меньше и без лежанки сверху, и как на ней готовить, не очень понятно. То есть сунуть котелок внутрь, на жар – это можно, и мясо на углях печь, и овощи. С голоду не умрешь, конечно, но приготовить что-то привычное ещё умудриться надо.

Кровать... Ничего так кровать. Огромная. Можно сказать – большие нары, деревянный помост, покрытый одеялами. Вчера, когда Катя там лежала, не могла оценить размеры. На такой штуке можно спать вчетвером, да и вшестером, если потесниться чуть. Одеял много. То есть для всех, кто ночует в доме, это единственное спальное место. Правильно, не на каменном же полу...

У одной стены – сундуки в ряд, не такие, большие, с плоскими крышками, какие Катя видела у родственников в деревне – на тех запросто можно было спать. У этих крышки выпуклые, закруглённые – не ляжешь, да и сесть проблематично. Этакие сундучки для вещей, как в кино, их ещё пристёгивали на задок кареты. И сейчас такие входят в моду, можно заказать для интерьера.

Короче говоря, если Данир будет здесь ночевать, ему придется спать на той же кровати. Больше нигде.

Что ещё тут есть? Стол, одна длинная скамья и несколько прочных, приземистых табуретов. На столе что-то лежит, прикрытое тканью. И ещё сероватый лист бумаги. Записка,

чётким ровным почерком, по-сандански.

«Доброе утро, моя. Позавтракай. Обязательно переоденься. Узел с вещами найдёшь на кровати. Можешь выходить из дома, но не отходи далеко. Слушайся Хорта. Я пришлю к тебе Турей, это женщина из ближней деревни, поговори с ней. Она поможет и всё расскажет. Увидимся вечером. Данир Саверин».

Она перечитала записку. Переодеться, узел с вещами? Да, вроде есть такой, она случайно спихнула его на пол, когда вставала. Можно выходить? Как здорово, проведать ближние кусты точно придётся. Слушаться Хорта? Волка-сторожа?! Это ещё веселее. Она бы охотнее с ним не встречалась. А вот женщина Турей – уже очень интересно.

Под холстиной на столе обнаружился небольшой круглый хлеб, головка сыра размером с два Катиных кулака и глиняный чайник, прикрытый мягкой шерстяной тряпкой. Сыр вкусно пах свежими сливками, а в чайнике оказался напиток, похожий на чай с вареньем.

Катя хлебнула чая, не трогая пока сыр и хлеб, переобулась в кроссовки и осторожно выглянула наружу. Было холодно, может, даже слегка подморозило. Небо чистое, голубое, горы кругом – невысокие, поросшие лесом. А высокие виднелись вдали, сияли белоснежными вершинами. Что касается густых кустов вокруг, то их хватало, только выбирай. Катя выбрала ближайшие. Когда вылезала из них, чуть не закричала, нос к носу столкнувшись с волком-сторожем. Или с его

волчицей? Будь они рядом, она бы отличила, по размеру, а так...

Теперь она не то чтобы испугалась. То есть, уже не ожидала, что её съедят. Волк её охранял, и она должна слушаться. Ну-ну...

Волк косил на неё взглядом, и, казалось, насмехался.

– Привет, – сказала она, – ты что, следишь за мной, жертва Красной Шапочки?

Глупые шутки – это нервное.

Волк не пошевелился, и Катя бочком-бочком прошмыгнула мимо него к дому. Ей стало не по себе. Этот зверь – насколько понятлив? И если его интеллект такой же, как у Данира, то пусть бы этот сторож держался подальше, когда она посещает кустики. Заодно вспомнилось, как она переодевалась в своей комнате, когда Данир развалился рядом на ковре и лениво на неё посматривал. А ей, глупенькой, не приходило в голову, что нужно стесняться домашнего пёсика...

Вот пусть только попадётся ей этот блохастый, она ему скажет всё!

Не этот, конечно. Тот. Который притащил её сюда, и придёт ночью.

Так, стоп. Данир днем волк, а ночью человек – потому что заколдован, то есть проклят? Да-да, она продолжает притворяться, что верит. А какой тогда был Данир до проклятья? Какое он имел отношение к волкам? Возможно, никакого, а волков этих, Хорта и его подругу, он приручил?

А если дело не в проклятье – то какое отношение к волкам имеют остальные Саверины? Айя Лидия, которая в два счёта находила белок среди ветвей и показывала Кате лисьи норы. И жадно принюхивалась к ветру в лесу. Элегантная пожилая дама. И она вроде бы обладала некой магией. С другими Савериными Катя не ездила в лес, так что не видела, как те находят лисьи норы. Алита безошибочно провела их лесом к источнику, но в этом как будто нет ничего особенного. Но почему Катю не удивляло, что айя Лидия в лесу как дома, и нюх у неё острее человеческого, иначе как она находила белок и всё прочее?

Нет-нет, Катенька, хватит фантазий, так неизвестно до чего додумаешься! Надо спросить у Данира! Он ещё не всё рассказал о себе. И о проклятье тоже.

Она съела половину хлеба и сыра, запила чаем и принялась разбирать узел с одеждой. В узле нашлись два длинных платья – льняные, покроя бохо, они были бы неплохи и дома, если бы Катя не предпочитала джинсы. Там было бельё, плотные колготки из хлопка, жилет на шнуровке – он прикольно выглядел и подошёл бы и к джинсам, а также несколько платков и то ли пальто, то ли длинный жакет из толстого, мягкого сукна. Дома, в их мире такой комплект одежды на женщине выглядел бы, может, и странно для кого-то, но был вполне возможен, сейчас в чем только по улицам не ходят. Точно не прабабушкин гардероб из позапрошлого века. А тут, что же, так одеваются?..

Отдельно, в наволочке – о счастье! – зубная щётка в упаковке и паста, лосьон для лица, ватные диски и палочки, пачка прокладок, кремы для лица и ног, маникюрный набор и пилки для педикюра – всё-всё такое нужное, но зубная щётка вне конкуренции! Большинство упаковок вскрыты – кажется, Юланка наспех вытряхнула в наволочку содержимое своего туалетного несессера. Значит, планы насчет Кати построили и осуществили быстро, и наличие новой зубной щетки – это везение, которое следует ценить.

Кстати, и простыня, в которую Юлана завязала вещи, и наволочка – хорошего качества, льняные, с одинаковой небольшой вышивкой на углах – буква «С» в обрамлении ветки с листьями. Всё постельное бельё в доме на Лесной было такое, одинаковое, приятное и стильное. Не сумка, не чемодан, которые, наверное, и теперь есть в кладовой – Юлана собирала всё это, кидая вещи в простыню, а потом бросила узел в портал им с Даниром вслед. Катю тогда что-то ударило в спину – значит, этот узел.

Она вышла наружу и почистила зубы – опять под неодобрительным взглядом волка, потом вернулась и переделалась в платье, волосы заплела в рыхлую косу. Ещё бы в душ. Полцарства за душ! И воды чистой набрать, а то чая во фляжке маловато будет. Тут горы, должно быть полно воды, причем питьевой, пройтись немного и наткнёшься на источник, на ручей, река тоже годится. На Кавказе, куда Катя ездила несколько раз в студенческий лагерь, было так. А тут?..

И вообще, ая Лидия обещала ей положение «знатнейшей женщины Веллекалена». Но она не говорила, какой уровень комфорта к этому прилагается. Может, каменная хибара без штукатурки – верх того, на что тут могут рассчитывать знатнейшие женщины? Если судить по семейству Савериных, то вряд ли, конечно...

Катя увязала вещи обратно в простыню и оставила на кровати. В сундуки заглянула, в одном была плотно уложена посуда и разные хозяйственные мелочи. Жестяное ведро обрадовало, как родное – теперь можно поискать воды. И где-то, наверное, должны быть дрова, чтобы растопить печь.

Она надела поверх платья свою куртку, взяла ведро и отправилась прогуляться и поискать воду.

В легкой куртке было зябко, но Катя затягивать прогулку не собиралась. Обошла хибару вокруг – пришлось идти то резко вверх, то так же – вниз. Увидела впереди совсем крутой подъем и хлипкую деревянную лесенку и решила подняться, но снова чуть не подскочила от волчьего рыка – оказывается, этот наглый хвостатый сторож следовал за ней, и стоило ей чуть отдалиться от хижины, рывкнул.

Ну да, ей же велено его слушаться.

– Слушаю и повинуюсь, – крикнула Катя. – Может, сам покажешь, где вода? А то пить хочется!

Волк в ответ зарычал, показав клыки. Между прочим, он ведь сам должен где-то пить, то есть вода рядом есть! Впрочем, Катя уже и без него догадалась, куда идти: вниз по скло-

ну, там наверняка в низине что-то протекает, если эти горы хоть немного похожи на тот же Кавказ. С виду – очень похожи.

Катя пошла вниз, не обращая внимания на недовольного волка, поскользнулась на влажной траве и упала, уронив ведро, которое самовольно покатилося вниз. К счастью, остановилось в ложбине, и теперь придется за ним спускаться...

Правильно, такие кроссовки не для горных походов. И это напомнило первую поездку в горы, куда Катя взяла с собой тоже неподходящие, скользкие кеды. Тогда, к счастью, друзья раздобыли для неё поношенные, но классные туристические вибамы.

Волк перестал скалиться и теперь посматривал с интересом. Катя вставать не спешила – ушиблась.

– Принеси ведро, а? – попросила она, сообразив, что собаки, вообще-то, носят и тапочки, и всё что хочешь. – И давай уже за водой смотаемся? Ну волчик, ну хороший. Я буду слушаться, обещаю. А?

– Ах, айя Катерина, с вами всё хорошо?! – раздался пронзительный женский голос.

Катя попыталась приподняться и повернуться на голос, но лодыжка отозвалась острой болью. Как же некстати...

Тем временем незнакомка уже подбежала. Невысокая худенькая женщина, одетая в жилет из овчины мехом наружу и широкую коричневую юбку. Она тащила на плече корзину, подвешенную на длинный ремень, тут же сбросила её и при-

нялась деловито разувать Катю.

– Какая у вас обувь, аяя, – восхитилась она, – мягкая, гибкая, и где такое стачали? Небось в столице купили? Не двигайтесь! – прикрикнула она, когда та опять попробовала присесть, – вот я сейчас...

Она пару раз нажала на Катину ногу, потом дернула, та опять вскрикнула и перевела дух. А незнакомка уверенно нажимала, задерживая пальцы, на какие-то точки на пострадавшей лодыжке, и боль отпускала.

– Вот, всё, – сказала она, возвращая обратно расшнурованный кроссовок. – Теперь хорошо будет. Только сейчас отдохните. А ногу я вам замотаю.

– Спасибо, аяя Турей, – сказала Катя, – вы меня спасли. Вы ведь аяя Турей, из ближней деревни?

– Я Турей, да, – кивнула женщина, – только не аяя. Не надо меня так называть. Давайте-ка я вас в дом провожу, положите. Вот, опирайтесь об меня!

– Я сама дойду, мне не больно! – пробовала протестовать Катя, но спасительница не думала её отпускать и почти внесла в дом, довела до кровати, а сама убежала за брошенной корзиной.

Скоро она извлекла из этой корзины глиняную посудину с широким горлом, похожую на крынку, закрытую деревянной пробкой, и несколько мешочков и бутылочек.

– Это молоко, аяя Катерина. Налить, отведаете? У моей коровы вкусное. А это мука и крупа на первое время. А вот

немного копчёного мяса. Закваска для хлеба. Яиц вам завтра раздобуду, пока не нашлось ни у кого, не сердитесь. Мяса свежего наш айт обещал сам на охоте добыть,

– Наш айт?

– Айт Данир. Говорил, что поохотится сегодня. А вы скажите, что ещё требуется, я принесу. Закваску и молоко в холодную поставлю...

Говоря это всё, она налила молока в чашку и подала Кате, уложила припасы в один из сундуков, а холодная – это, оказывается, шкаф в стене у двери, имеющий отверстие наружу и потому холодный.

– Спасибо вам, Турей.

– Ох, айя Катерина! – нахмурилась спасительница. – Не смущайте меня. Что вы со мной, как с айей, разговариваете? Я просто Турей, никакая не «вы». И не айя. Это, может, в городах так принято, всех айями звать, а мы простые люди. Это вы для меня айя, вы жена моего айта. Мне лишнего не надо.

От такого заявления смутилась Катя. Она ведь просто обращалась вежливо к женщине, которая явно была её старше. Употребляла оборот, который соответствовал вежливому «вы» в русском. Причём Турей именно так разговаривала с ней – подчёркнуто уважительно.

– Айт Данир сказал, что вы чужеземка, – добавила Турей, – что не привыкли к нашим нравам, и чтобы я вам всё рассказывала. Потому и поправляю. Уж простите.

– Ничего, поправляйте, – сказала Катя. – Спасибо вам. То есть... тебе спасибо. Я действительно чужеземка и могу через раз глупости делать. Если что, не обижайтесь... не обижайся.

– Вот так хорошо, – заулыбалась Турей. – Я-то не обижусь, что вы. Я понимаю, всякое видала.

Она отыскала к одному из сундуков кусок ткани, с треском оторвала полоску и принялась туго бинтовать Кате ступню, потом сунула ей под спину подушку и скатанное одеяло, приговаривая:

– Вы сидите, сидите пока, айя. Не вставайте. Ножку поберегите.

Катя вздохнула. Ну действительно, в чужой монастырь со своим уставом не суются. Любая мелочь разные смыслы может иметь, так что пока не вникнешь, не стоит умничать и что-то менять. А тут ещё и мир другой...

Ох, елки ж зелёные. Вот это надо не забывать, что мир-то другой, и у неё как бы муж-оборотень, который её этак самовольно женой назначил.

Катя решила прояснить про мужа.

– Так айт Данир сказал, что ушёл на охоту? А с чем у вас тут охотятся? С ружьём, с луком, с копьём, может? Что он с собой взял? – и затаила дыхание в ожидании ответа.

– Что вы, айя, – всплеснула руками Турей. – И правда, такое спрашиваете, что лучше вам пока на людях помалкивать! Точно вы издалека, это видно. СаверИны на своих зем-

лях только в волчьем лике охотятся, это закон. У всех двуликих так, если на своей земле, иначе бесчестным считается. Вот в иных землях – в человеческом лике, конечно же.

Вот, Катенька, что хотела – услышала. Даже больше того. Все Саверины, значит – в волчьем лике.

– А айт Гархар часто бывал здесь... волком? – опять предприняла она обходной маневр.

– Старый айт? В каком смысле – часто ли?.. А, поняла. Ну, айты наши последние годы наездами тут. А когда бывал – видела его и волком, хоть по разу или по два. Но охотился он совсем редко последние годы.

– А Юлана? Алита?..

– Племянницы айта Гархара? Так они же не двуликие, хоть и считаются волчицами. Они почти как люди. Среди волков немало таких, с одним ликом.

– А Виктор?

– Айт Витхар? Он волк, двуликий, да. Он младший сын князя Румира, младшего брата айта Гархара. Но оборачиваться не слишком любит, я и не помню, какой он волк, не опознала бы. А так он хоть куда. В прошлом году приезжал, наши нелады с куматами улаживать. Встречался с ними, переговаривал, а волком и не оборачивался ни разу. Хотя куматы волков очень уважают, боятся. Но я слышала, что многим волкам и без оборотов неплохо, а приходится, обычаи такие.

– А аяя Лидия? Она превращалась в волка?

– Княгиня-то старая? Айя Лидана. Ну конечно. Она до последнего оборачивалась. Ей нравилось. Чувствовалось, что сучает по здешним местам. Она настоящая, как никто, – это Турей сказала с истинным, не нарочитым уважением.

Итак, Катины боязливые догадки подтвердились почти полностью. Всё приятное во всех отношениях семейство СавЕриных-СаверИнов – волки-оборотни. Какая прелесть...

Как это совместить с тем фактом, что оборотни успешно занимаются бизнесом в другом мире? Ну а что такого. Но когда Катя представила, как Данир охотится, без оружия, бросаясь на жертву и разрывая ей горло зубами – брр...

Она закрыла глаза и посидела так какое-то время. Спросила:

– Турей, я правильно поняла, что они сами решают, когда им оборачиваться? Хоть днём, хоть ночью?

– Ну конечно, айя Катерина. А вы как думали?

Что она могла думать, если Данир собирается быть человеком только по ночам? Ах да, проклятье...

Смертное проклятье – сказала айя Лидия.

– Турей, а расскажи мне про проклятье.

– Какое проклятье, айя Катерина?! – вскинулась женщина.

– Как прокляли моего мужа? Как это на него повлияло? Какой он был раньше?

Сказала это, и только потом поняла, что именно сказала, как назвала Данира. Ну так случайно ведь. Хочется иногда

покороче высказаться, чтобы тебя поняли.

– Ох, айя. Заморочили вы меня, – развела руками Турей. – Нельзя мне об этом с вами говорить. Да я и не знаю ничего. Но не велено. И про семью тоже. А вы так хитро спрашивали! Заморочили.

– Да что хитрого? Обычно спрашивала, – улыбнулась Катя. – Но не переживай. Считай, что мы ни о чём не говорили.

– Я своего айта не боюсь и не стану обманывать. Но вы лучше про личное у него самого спрашивайте.

У Кати голова шла кругом от такого количества обрывочной информации, которая пока не очень складывалась в картинку. Одно, пожалуй, утешало: лично для неё этот сюрреализм всего лишь на два месяца.

Кстати, а почему Данир настаивает на этом сроке?..

Турей, конечно, не скажет теперь, даже если и знает что-то...

– Я кашу сварю, позвольте, айя Катерина? – её имя Турей выговаривала старательно, – вам пока не надо вставать. Не знаю, как вы любите, но я по-своему сварю. Мяса добавлю. За домом ещё дикий лук видела, и его нарву. Айт Данир мою кашу любит, никогда не отказывался.

– Конечно, Турей, буду благодарна! – Катя была рада, потому что не представляла пока, за что тут и браться, чтобы готовить на такой печке.

– Ты не боишься волков, Турей? – спросила она. – Тут их много, да?

– Что вы. Мы ведь в Веллекалене живём, – женщина уже достала какую-то медную посудину и принялась энергично её протирать. – На Волчьих землях, иначе говоря, мы живём. Кто тут боится волков? У меня самой волчонок растёт, второй сын, – она с улыбкой глянула на Катю. – Только меня в жёны не позвали. Но я и не в обиде. Он меня любил. А его мать не приняла – так мне оно и проще, я была вдова и себе хозяйка, и не только мышей в подполе имею, – она засмеялась. – И отвечать не за что. Нет, айя, мне чужого не надо.

Катя чуть не призналась, что и она так себе жена, только по названию. Да и по названию не жена, если на то пошло! Промолчала, глянула на кольцо айи Лидии на своём пальце, сжала ладонь в кулак. Турей это заметила.

– Да, и кольцо вы носите. Значит, семья приняла. Здесь этого достаточно. Вижу, что по-настоящему вы не женаты, браслета на руке нет. Но в храм сходить недолго, и деваться вам теперь некуда! – закончила она радостно.

– Совсем я ничего не знаю про ваши порядки, – опять озадачилась Катя. – Вот, например, в моей стране кольцо невесте мужчина дарит. А здесь?..

– Сам мужчина? – удивилась и даже растерялась Турей. – Странно как. Как же он сам может кольцо дарить? А это кольцо вам разве айт Данир дал?

– Нет, айя Лидия...

– Значит, всё правильно! – Турей перевела дух и опять обрадовалась. – Старшая Хозяйка и дарит кольца будущим

невесткам!

– Но почему так? – не понимала Катя.

– Так в кольце магия Великой Матери! И она в руках Старшей Хозяйки, что мужчины могут? – уже горячилась Турей, – и женщин можно иметь много, а жену – её в семью принимают. Невесту вроде бы мужчина выбирает, а уже потом, если Хозяйка не против, девушке надевают кольцо. Если кольцо по ней, носится, то можно и в храм за браслетом. А бывает, что не носится кольцо – жмёт, палец чешется, рука отекает, да хоть что – не быть ей женой, значит. Кольцо надо снять, а то и до беды недалеко. Девушке отступное платят. Или как получится...

– И что, они должны расстаться? А если не захотят? Он ведь выбрал её, полюбил?

– Это для себя надо решать. Бывает, что и живут, и детей растят, – пожала плечами Турей. – Ну, вам-то, видно, с айтом Даниром быть в радость, раз носите кольцо? Всё хорошо, значит.

Опять это кольцо, оно с магией, но аяя Лидия говорила, что в Катином мире с магией неважно...

Непонятно. С кольцом – всё-таки невеста, а не жена? Но до этого та же Турей сказала, что кольца достаточно, чтобы считаться женой. А некоторые живут без колец и браслетов? Путаница, в то время как в этих делах всё должно быть четко и ясно.

Турей принесла дров и растопила печку, потом ушла ненадолго и вернулась с ведёрком, полным воды, и стала мыть крупу, резать мясо. Крупа была жёлтая, издалека похожая на пшено, которое Катя, вообще, не любила, но теперь поела бы с удовольствием, хоть с мясом и луком, хоть вообще без всего.

– Какое счастье, что айт вернулся, – опять горячо заговорила Турей, то ли с Катей, то ли сама с собой. – С ним спокойнее. Этими землями всегда Гархар Саверин заправляет. Мы без бед жили столько лет. А теперь разное говорят. И что куматы с набегом нагрянут. Граница близко. И что землю нашу князь отдал магам, потому и от куматов оборонять не станет. Наоборот, так сделает, чтобы мы сами ушли. Переселились. А там вроде степь голая, как там жить? Это наша земля, тут, всегда была. Айт Данир нас защитит, он должен. Он ведь сын айта Гархара.

От таких слов Кате становилось совсем неудобно, если не сказать – страшно. Это что за страна такая?! И главный спаситель – Данир Саверин, то ли волк, то ли не совсем! А Турей, видно, сообразив, что опять наговорила лишнего, перестала отвечать на вопросы. Зато болтала разную чепуху, накормила Катю кашей, похожей на пшённую, но всё же какой-то другой, велела отдыхать и ушла, пообещав прийти завтра. Небо затянуло облаками, пошёл мелкий, как холодная водяная взвесь, дождь...

Глава 8. Девушка из расщелины

Она проснулась от пряного запаха жареного мяса. По стене металась тень от пламени свечей – она видела это сквозь ресницы. И было так хорошо – должно быть, снился хороший сон. Опять скрипнула кровать, кто-то большой навис над ней, склонился, прядь волос пощекотала её щёку, её лица коснулось чье-то дыхание, свежее, оно пахло зеленыю. Ещё мгновение – и до губ дотронулись чужие губы, осторожно, приятно и мягко, и она подалась навстречу, отвечая, ещё и ещё.

Это – сон?..

Сообразив, что всё это значит, Катя вскрикнула, со всей силы толкнула мужчину, который уже уверенно занял место над ней. Оттолкнуть не смогла, он прижал её к себе и перекатился на спину – она оказалась сверху.

Ну конечно, та самая нахальная и не то чтобы волчья физиономия! И ещё улыбается так доволью! И держит волчара, её, Катю, крепко – не махнёшь, не двинешь как следует!

– Ну что ты, моя?.. Ведь понравилось же тебе? – он улыбался, как хитрый кот, а не волк!

– Ничего не понравилось... – буркнула Катя.

– Тогда попробуем снова, и ты подробно расскажешь, что не понравилось и почему... – и даже нотки в его голосе проявились такие, кошачьи.

– Ты точно волк? – спросила она с ехидцей и безуспешно попробовала вывернуться.

– Да, точно, – и бровью не повёл Данир, – но вопрос обидный. И провокационный. Моя, сейчас я не могу продемонстрировать тебе, что я волк. Спроси что-нибудь другое? – он говорил не торопясь, тихо, но внятно, на его губах играла еле заметная улыбка. – спроси, я мужчина? Спроси, я люблю тебя? Или уж сразу спроси, я тебя хочу?

– Ты мне что-то продемонстрируешь в доказательство? – она нервно хихикнула, уронив голову ему на плечо, но тут же спохватилась и мысленно обозвала себя дурой.

Нашла, о чём шутить. И с кем!

– «Что-то» я тебе не стану демонстрировать, ещё чего, – хмыкнул Данир, – Мужчины не демонстрируют, они действуют. Разве нет? – он быстро поцеловал Катю в щёку и отпустил, и даже легонько оттолкнул от себя. – Давай поедим. Я пожарил мясо.

Катя поторопилась встать, стараясь не встречаться с ним взглядом. Одёрнула платье.

– Объяснишь мне, где тут вода? Хочу умыться.

– Объясню. Вода в ведре, у двери. Умываться можно в тазу, – невозмутимо пояснил Данир.

Катя как раз увидела и ведро – на маленькой скамеечке у двери, и начищенный медный таз, и ковшик. Про умывальники здесь не слышали, кстати? Которые вешают на стену, наливают в них воду. Хотя бы это...

Она умылась, отлив немного воды в таз. Попросила:

– И всё-таки покажи. Я хочу сама ходить за водой. Хотя бы знать, куда.

– Сейчас темно, настойчивая моя. Ты сегодня и при свете покалечилась. Ходить с тобой в потёмках по горным тропам я боюсь. Завтра попросишь Турей.

– Почему не тебя?

– Можно и меня, если буду свободен. Но я днём не человек. Я волк. И я не против гулять с тобой.

– Я поняла. Если не будешь занят.

– Точно.

Он большой двузубой вилкой сбрасывал куски мяса с железного стержня в миску. Мясо слегка пахло луком и чем-то ещё – ненавязчиво, всё равно запах щекотал ноздри и будил зверский аппетит.

– Выглядишь, как нормальная голодная волчица, – с усмешкой заметил Данир, широкими ломтями нарезаая большой круглый хлеб.

– Ничего подобного, я уже обедала, – заявила Катя, потому что Данир явно преувеличивал. – Разве что маленький кусочек попробовать.

У неё что, глаза сверкают голодным блеском и слюна течёт по подбородку? Голодная волчица, надо же!

– Моя, если волчица – это комплимент, то жеманная кривляка – это не комплимент. Садись, – он подвинул к ней тарелку, в которую положил несколько кусков мяса.

Именно вид и запах такой еды помешал ей сказать Даниру что-то едкое, чего он, несомненно, заслуживал. Притащил сюда насильно, бросил в какой-то каменной землянке и ещё воспитывает!

На столе также была миска с какими-то запеченными овощами, на которые Катя покосилась с опаской.

– Это вкусно, попробуй, – Данир отправил в рот кусочек чего-то серо-оранжевого. – Просто репа. И морковь. И брюква. Все такое же, как у вас.

Ну конечно, репой и брюквой Катя точно питается ежедневно...

– Спасибо, – она отломилась себе хлеба и откусила мяса.

Мясо было... вкусным. Очень вкусным. Просто божественным. Но перца не хватало. И соли. И ещё кетчупа, может быть, но это такие мелочи!

Очень-очень вкусно!

– Волчица, – Данир довольно улыбнулся, наблюдая за тем, как она жуёт мясо. – Кстати, ты почему такая исхудавшая? Ты голодала?

– Нет, что ты, – Катя чуть не поперхнулась. – У меня всё в порядке.

– У тебя ничего не в порядке, – сказал он тихо, и стиснул в кулаке вилку. – С тех пор, как ты ушла. Я был у тебя дома. Там воняет.

– Что?! – поразилась Катя. – Чем воняет?!

Те следы. Ну конечно.

– Ну этим, твоим... как его там, – Данир поморщился, – и тем, что тебе плохо.

– Он ушёл. Мы расстались, – Катя тоже перестала есть. – И мне хорошо.

– Это правильно, – кивнул Данир. – Нельзя было тогда не отпустить тебя. Ты выбрала себе мужчину. Я с тобой быть не мог. Ты ведь ничего нам не должна, тебе надо было строить свою жизнь. Ты не знала о нас, а объяснять было нельзя, да и как? Только показать, и то теперь вот ты тут, смотришь и не всему веришь. Бабушка потом сердилась, говорила, что всё бесполезно. А меня отец запер, в подвале на неделю. Он умел вправлять мозги, если нужно.

– Мне жаль, – Катя отвернулась.

Что она ещё могла ответить?

– Посмотри на меня, – попросил Данир, накрывая её руку своей, и она нехотя взглянула на него, – теперь тебе намного лучше. Со мной. Я чувствую. Хотя ты злишься и обижена. Нет, точнее, ты считаешь, что должна обижаться и злиться. Прости. Я лишь не хотел тебя потерять. Может быть, не имел права, и твоя обида справедлива. Тебе нет дела до наших порядков. Но я уже сделал то, что сделал. И постараюсь, чтобы ты от этого только выиграла.

Он был прав, хотя она ни за что не признала бы это сейчас. По крайней мере её больше не тошнило, она с наслаждением ела мясо. Это уже означало, что ей хорошо! Наверное, стресс справился с токсикозом? Ещё говорят, что он же помогает

от нежеланной беременности – но это не с её счастьем, не здесь и не сейчас...

– Что я, по-твоему, выиграю? – спросила она не без интереса.

– Это просто. Я богат. Два месяца – и ты будешь свободной и богатой, больше никогда ни в чём не будешь нуждаться.

Вот это да. Катю это почему-то задело.

– Ничего себе. Данир Саверин, ты меня покупаешь? Берёшь в аренду? Кто я по-твоему, Данир Саверин?

– Нет, глупенькая. Я лишь договариваюсь с тобой. Любой брак – это договор, причем между порядочными людьми. На что ты сейчас решила обидеться?

– Это я даже не хочу обсуждать...

В это время кто-то отчетливо поскрёбся в дверь, и Катя услышала негромкое, но отчётливое завывание. Данир тут же вскочил, а дверь приоткрылась, и в щель скользнул волк-сторож, который тут же принялся... говорить? Он выл, ворчал, поскуливал, а Данир выслушал и ответил примерно так же, но кратко.

– Мне придётся уйти, – бросил он Кате. – Надеюсь, ненадолго.

Она смотрела, как он достаёт из сундуков мотки верёвки, какие-то крючья, фонарь, заволновалась:

– Тебе помочь? Что случилось?

– Жди меня тут, и чтобы с тобой всё было хорошо. Это

лучшая помощь.

– Ну знаешь! Можно подумать, я такая растяпа!

– Тихо, моя, – попросил Данир. – Просто жди меня.

И ушёл следом за волком в мокрую темноту.

Катя не так боялась бы, если бы не сегодняшние откровения Турей про опасности, набеги и про то, как много ждут от Данира. А теперь он ушёл в ночь, один, не считая волка, и она осталась тоже одна. И что делать, если Данир, к примеру, не вернётся? Или задержится? Где-то недалеко есть деревня, есть Турей, есть другие люди, но кто знает, чего от них по большому счёту ждать. Только на Данира она может рассчитывать. Только ему она доверяет.

А она всё-таки доверяет?..

Да, вот так. И не доверишься никому, кроме него. Только он здесь не такой чужой, как всё прочие. Заботливый, внимательный – этого не отнять. Но оборотень. Волк.

И что же там могло случиться, что ему понадобилось срываться ночью? Какая беда?..

Невыносимо было сидеть одной в хижине и ждать. Катя набросила одеяло на плечи и вышла, села у порога на какой-то чурбак. Дождь закончился и луна выглянула. И хорошо. Вход в дом сверху прикрывал дощатый навес, но в стороне кое-где на небе показались звёзды – значит, облака разогнало. Скоро ветка на кустарнике напротив неслышно качнулась, из-под неё вынырнула волчица – темный силуэт в лунном свете и глаза светящиеся, тоже цвета луны. Волчица по-

стояла немного, а потом медленно двинулась к Кате, не сводя с неё глаз, словно чего-то ждала.

– Да подходи, не стесняйся, – радушно предложила та. – Составь компанию. Давай вместе ждать, я одного, ты другого. Как тебя звать, не помню, уж прости, подруга.

И верно, Данир ведь имена обоих называл, и волка, и волчицы. Она не запомнила.

Волчица постояла неподвижно, потом подошла и улеглась у стены дома, не слишком близко к Кате, принюхалась к чему-то и прикрыла глаза.

Вот, дикий волк рядом – а не страшно. Глядишь, ещё неделька – и они станут приятелями. А что такого, с Даниром они вон вообще на короткой ноге, пришёл волчара, позвал куда-то – Данир убежал. И верёвки похватал, и другое нужное – значит, волк объяснил, что к чему...

Чудно и странно. Вот кажется, страньше и быть не может. Она измаялась ждать. Время, как известно, на глазок не померяешь, оно то бежит, то тянется. Вот почему бы не надеть было на руку часы, отправляясь на Лесную? Часам здесь цены бы не было. У неё дорогие, механические, отец как-то подарил, когда училась в университете. А до того отца много лет не видела, и после тоже...

Волчица встрепенулась и вскочила, заворчала, тогда и Катя увидела на дорожке Данира с кем-то на руках, а впереди бежал волк и тащил на спине мешок. Человек на руках у Данира был маленький и хрупкий на первый взгляд, одетый в

штаны и вышитую куртку, а на ногах у него были высокие сапожки с блестящими застёжками. Ребенок?

Катя вскочила, распахнула дверь. Данир прошёл и сгрузил свою ношу на край кровати. Выдернул из-за широкого кожаного пояса нож и разрезал шнурок на куртке своей находки – там была шнуровка вместо пуговиц. Быстро выдернул шнурок и куртку сдернул, отбросил. Катя судорожно вздохнула – это был не ребёнок, а девушка, маленькая, щуплая, но взрослая. Кстати, красивая. И без сознания. Правильные черты, идеальные темные брови, пухлые губы, разве что чуть приплюснутый нос. Четыре длинные чёрные косы – необычно, но ей шло. Высокий лоб от линии волос до самой переносицы пересекала тонкая чёрная линия, словно делила лицо надвое.

Данир, сосредоточенно хмурясь, оглядел девушку, потом провел руками вдоль всего её тела от шеи до колен и нахмурился ещё сильнее.

– Данир, тебе помочь? – Кате отчего-то неприятно стало, что он вот так небрежно тискал красивую девчонку. – Давай лучше я её раздену. Её же в чувство надо привести? Тут хоть какие медикаменты есть?

Её знания заканчивались фактом, что надо снять всё утягивающее и дать понюхать нашатырь.

– Нет, моя, – резко ответил Данир. – Вообще не подходи к ней пока. Она скоро очнётся. Сядь вон там, – он махнул рукой в сторону стола.

Катя послушно отошла, немного задетая этой резкостью, продолжала наблюдать. Данир поднял и быстро ощупал куртку, потом снова провел руками по телу девушки, наконец снял с неё сапожки и тоже ощупал. На его лице застыло холодное, сосредоточенное выражение.

– Дай сумку, Хорт.

Волк, который остался у входа, поднял зубами с пола и принёс сумку из тиснёной кожи на длинном ремне. Данир всё из неё вытряхнул и тоже осмотрел.

– Ничего нет, Хорт.

Волк недовольно рыкнул.

– Ладно-ладно, – блеснул на него глазами Данир, – я дурак, ты умный.

В ответном рычании волка Кате послышалось некоторое удовлетворение.

– Ладно, верю, – Данир не рычал и подвывал, как до этого с волками, а говорил негромко и по-сандански, как будто сам с собой.

Он опять нагнулся к девушке и ловко, одним движением сдернул с неё рубашку. Теперь можно было видеть чуть смуглое, матовое тело, острые ключицы, пышную грудь с темно-розовыми сосками. Голова мотнулась, откинулась, Данир её поправил, подложив край одеяла, а сам вывернул рубашку и осмотрел её с изнанки.

– Почему ты с ней так обращаешься?! – не выдержала Катя. – Что вообще происходит? Откуда она тут взялась, кто

это?!

– Я вытащил её из расщелины, – Данир отложил рубашку. – Ничего страшного я с ней не делаю, не беспокойся так.

– Из расщелины?

– Это такая узкая и глубокая трещина в скале, из которой обычно мало кто выбирается самостоятельно. Лучше не проваливаться.

– Её нашёл твой волк? В расщелине?

Катя не отставала от Данира, понимая, что спрашивает об очевидном. Но пусть объяснит, пусть расскажет чуть больше!

– Хорт нашёл её. И она ему не нравится. А я ему доверяю. Похоже, она шла из замка. В сторону границы.

– А это важно, куда она шла? Она злобная шпионка, а вы с Мухтаром... то есть с волком охраняете рубежи?

– Помолчи пока, – попросил Данир, коротко взглянув на неё. – Возможно, эта девка и не ведьма. Но всё равно куматка.

Вот так, значит. Не ведьма, всего-навсего.

И это не шутка, что ли? Гонения на ведьм – это мракобесие. Но аяя Лидия тоже говорила что-то про магию. И всё равно, девушка, если Катя верно поняла, только что избежала гибели, и ей полагалось оказание первой помощи, а не вот это всё.

– А ну-ка... – Данир хмыкнул и, положив пальцы девушке на голову, но почти не касаясь, повел руки вниз.

Он медленно перемещал пальцы вдоль тела несчастной, поглядывая на её безучастное лицо, на беспомощно открытую шею, словно ждал подсказки, играя в «горячо-холодно». Вот он положил пальцы на пояс её штанов, на резинку... нет, там не резинка, а завязка, он потянул тесьму, и тут же девушка вскрикнула и изогнулась, дернулась, и даже не открыла – распахнула глаза. И тогда Данир одним каким-то очень быстрым, почти неуловимым движением распустил узел и сдернул с неё штаны – широкие, практически шаровары, они легко соскользнули. А девушка медленно села, не сводя глаз с мужчины, помотала головой, отчего косы как-то сразу расплелись и волосы расплескались по плечам. Красивые волосы. На ней были ещё одни штанишки, широкие и до колен, так что голой она всё ещё не была. И Кате было ясно, что ничего ей пока не ясно, но из женской солидарности ей хотелось стукнуть чем-нибудь Данира.

Пока Данир зачем-то вывернул и осматривал шаровары, девушка покачалась корпусом, повела плечами – её движения казались тягучими, чувственными, что как-то неуместно для пострадавшей. Катя даже пожалела, что находится позади и не видит её лица, это мешало правильно понимать происходящее. Девушка запрокинула голову и вдруг издала глубокий горловой звук, похожий на вибрирующее мычание, причём мычание весьма мелодичное, как ни странно. Это была песня, настоящая песня. Нота за нотой, удивление быстро сменилось восторгом, звуки, казалось, проникали в

Катю, хотелось слушать и слушать, и тоже покачаться в такт, и хотелось... может, наорать на Данира, сказать ему, наконец, что он неправ и пусть прекращает, гостья и так настрадалась и её надо накормить и одеть и... что ещё? Да всё, что она захочет!

Данир посмотрел на Катю и покачал головой, голос его прозвучал жестко:

– Даже не думай, моя айя. Не двигайся.

И он перевёл взгляд на гостью:

– Ну довольно. У тебя получается, молодец. Но не старайся, я ведь волк. Мне твои выкрутасы сама знаешь до какого места.

И та разом умолкла на половине ноты, застыла, потом качнулась к нему...

– Сидеть, – приказал он. – Только дёрнись, кошка. Живо испорчу шкуру.

Волк-сторож тут же грозно зарычал. Катя замерла, боясь пошевелиться. Она смотрела, как Данир выдергивает шнур-завязку из шаровар, разворачивает его – это был длинный кусок тонкой плотной ткани, несколько раз сложенный вдоль, – как подносит к глазам и перебирает пальцами, читая.

Шнур, продёрнутый в пояс деvушки, был письмом.

– Кому ты несла это, кошка? – спросил Данир, закончив чтение.

– Откуда мне знать? – голосок у неё был звонкий, мелодичный.

– А у кого взяла?

– Это мне и подавно знать не полагается. Я зарабатываю тем, что ношу письма. Ведь на эту забытую Богами землю магические шары не прилетают?

–носишь письма, значит? – он потянулся за её сумкой, достал мешочек с чем-то и бросил перед девушкой.

– А это я продаю, – заверила та. – Ходовой товар. Не желаешь купить? Цепь на шею, например. У меня есть как раз для волков.

– Спасибо, не надо, – Данир усмехнулся. – Ты идешь из Манша.

– Я там была.

– А что, торговцы и почтальоны теперь ходят такими тропами?

– Я хожу. Разве запрещено?

– Ты идёшь за Сарьяр. И живёшь там? Откуда родом?

– Сама не помню. А живу то здесь, то там.

Она хихикнула и погладила грудь, положив ладони на пышные полушария – словно дразнила Данира.

– Зачем тебе письмо, волк? – она заговорила вкрадчиво. – Ты так умён, раз его нашёл. Я восхищаюсь. Но отдай его мне. Я отнесу, кому нужно, он заплатит. Это не наши с тобой дела, они для властителей. Отпусти меня! Я принесу тебе ещё денег, хочешь? Я поклянусь. А точно ты волк? Неужели чистокровный? – Катя не видела её губ, но готова была поклясться, что девушка облизнулась.

Лицо Данира Катя видела, его выражение оставалось насмешливым и чуть брезгливым.

– Ты оборачиваешься? – спросил он.

– Что за вопрос? Тогда я сразу почувяла бы в тебе волка.

– Да неужели? Раздёнсья и перевернись. Я хочу убедиться, что печати нет.

– Печати нет.

– Делай, как я сказал. Пошевеливайся.

– Ну хорошо, – девушка стащила штанишки и, совсем голая теперь, перевернулась на спину, и впервые встретилась взглядом с Катей.

– О, айя! – пропела она и широко улыбнулась, – приветствую тебя и желаю долгих лет, волчица!

Катя только кивнула, не решаясь заговорить. Ей эта сцена очень не понравилась. Кем бы девушка ни была.

– Повернись на правый бок, – велел Данир. – Всё, вставай и одевайся. Печати нет. Но на бедре у тебя знак клана. Я знаю его.

Девушка повернулась к Даниру, запрокинула голову и помолчала несколько мгновений, глядя на него снизу вверх, потом заявила:

– Ты не можешь знать клановые знаки. Ты лжёшь.

– Я знаю знаки всех куматских кланов, живущих в Веллекалене. Ты, наверное, одна из внучек старой Туи. А я Данир Саверин. Слышала о таком?

Она опять помолчала, потом кивнула и больше не улыба-

лась.

– Значит, тебя всё равно что нет, – она медленно натянула штанишки, потом шаровары и рубашку.

– Я всё ещё есть, – возразил Данир. – Ты пойдёшь туда, куда и направлялась, и скажешь, что хозяин вернулся в Манш, и он обещал выкинуть прочь всех, кто сунется. Данир Саверин в Манше, и пусть не думают, что его всё равно что нет. Хотя я совсем не прочь размяться и погонять драных котов. Поняла?

– Я тебе не верю. Ты не Саверин.

– Я знаю твои шестнадцать слов, – будто не слыша её, продолжал Данир. – Ты сейчас их произнесёшь и забудешь этот дом и нас. Письмо я оставлю себе. Ну же, говори, приказываю.

– Пусть она хотя бы поест, – вмешалась Катя, потому что смолчать было выше её сил. – Пожалуйста, Данир. И разве можно ей уходить сейчас?

Конечно, девушка оказалась непростой, но её недавно принесли без чувств, до этого вытащили из какой-то передраги, то есть расщелины, разве можно выгонять её сейчас из дома?..

– Даже нужно, моя дорогая, – Данир недовольно поморщился. – Хорошо, пусть поест, раз ты так хочешь. Садись, – он показал «гостье» на табурет. – А если попробуешь удрать без слов, клянусь, что поймаю и брошу в пропасть, не тебя, так парочку твоих сестричек.

– Я поняла, айт. Благодарю, айя, – девушка быстро села к столу и взяла остывший кусок жареного мяса из миски и ломтик хлеба.

Она явно была голодной, ела быстро, но аккуратно и даже красиво. Насытившись, сложила руки на груди и поклонилась Кате.

– Благодарю, айя. Я вижу, что ты волчица из рода Саверинов. Вижу кольцо.

Против этого утверждения Кате было что возразить, но она не стала. Зато спросила:

– Как тебя зовут?

– Айт понял, кто я. Я из рода Туи. Моё имя Гетальда. Как мне называть айю, хозяйку Манша?

– Айя Катерина, – ответил за Катю Данир. – Тебе пора, Гетальда из рода Туи.

– Айя Катерина, – она произнесла имя, смешно растягивая гласные, – позволь сделать тебе драгоценный подарок за то, что твой муж спас мне жизнь?

– Не нужно, – сказал Данир. – Моей жене я сам дарю драгоценности. Говори слова и уходи, кошка, не испытывай меня. Ты не помнишь этот дом, не помнишь обо мне и моей жене.

Девушка тут же встала и, снова сложив руки, нараспев стала говорить какие-то слова, не на санданском, поэтому Катя не понимала, но стала считать – шестнадцать...

Глава 9. Поиграем?..

За Гетальдой из рода Туи закрылась дверь.

– Ступай проводи её, Хорт, – велел Данир, и волк тут же выскользнул следом.

– Ты огорчена? – Данир взглянул на Катю. – Не беспокойся. Она не вернётся. Мы побудем вдвоём наконец.

– Данир, что это было? – перебила она. – Я заслуживаю объяснений?

– Объясню всё. Спрашивай.

– Почему ты так обращался с девушкой? Это было ужасно, честно говоря. Мне не нравится, когда с людьми так обращаются!

Данир посмотрел с искренним удивлением.

– Моя, я не понял. Что не так? Во-первых, это не девушка, вообще. Женщины куматов – не женщины для нас. Она это понимает. Что, каждая кошка, лисица или белка должна на меня обидеться, если я посмотрю на неё без одежды? Особенно если я ей ни на медяк не доверяю? И она несла письмо разбойникам, которые не прочь разграбить мою крепость?

– Что тут за сумасшедший дом? – пробормотала Катя, отвернувшись.

Про крепость и разбойников – ладно, это было не так странно, как то, что эта красивая девушка для него «не женщина» – как это?

Данир подошёл к ней со спины, обнял.

– Это другой мир. Тут есть вещи, тебе пока непонятные. Она умеет очаровывать. Нужно было попросить тебя уйти. Доверься мне, потом сама поймешь.

– Да, Данир. Мне непонятно, – она не без труда отстранилась, выскользнула из его рук, повернулась к нему.

Хотелось видеть его лицо. Хотя прислоняться спиной к его крепкому и сильному, и такому горячему отчего-то телу было приятно. Но не следовало поддаваться. Они ещё даже не говорили толком! Он чужой, хотя уже множество раз назвал её своей и женой. Женой! И она не возражала. И у неё это, кстати, не вызывает никакого внутреннего сопротивления. Вот то, как он обращался с девушкой, которую сам же спас – вызывает, и сопротивление, и негодование, а мысль, что она его жена – тут всё нормально. Она его знает два дня! В человеческом виде, имеется в виду. Где её здравый смысл?

– Не будь я волком, эта внучка Туи крутила бы мной, как хотела, – сказал Данир. – Обычные мужчины не умеют им сопротивляться. Поэтому куматы, даже самые законопослушные, селятся отдельно и далеко от людей, – он заулыбался. – И всё равно то и дело приходилось разбирать скандалы между ними и людьми. Нас, детей, брали на такие суды, чтобы наблюдали и мотали на ус. Часто это было весело.

– Давай приготовим чаю, Данир? Покажи мне, как на этой печке вскипятить чайник, пожалуйста.

– Хорошая мысль, – он тут же прошёл мимо неё к печке,

успев между делом опять обнять её и поцеловать, скорее даже лизнуть в затылок.

– Данир! – возмутилась она. – Я поговорить с тобой хочу и чаю попить!

Ну да, ей приятно – что он то и дело пристаёт, целует, но при этом ведет себя не слишком настырно. Да, именно это чертовски приятно! Хотя, если бы хотел... Что её ожидало бы? Он сильный, сопротивляться она не сумеет, бежать – некуда.

– Я понял, понял, – он рассмеялся, – я тоже с удовольствием выпью чаю. Вот, смотри, – и он принялся раздувать тлеющие угли.

Прямо в угли он поставил высокий жестяной чайник.

– Подожди немного. Закипит быстро, – и продолжал чему-то улыбаться.

– Что смешного, может, скажешь?

– Мы оба сейчас хотим целоваться. И не только. Но вместо этого будем беседовать и пить чай.

– Вот с чего ты это взял, а? Про целоваться и не только? – вскинулась Катя.

– Ты сейчас пахнешь так, что я всерьез боюсь свихнуться. Хотеть тебя – это полбеды. Но понимать, что и ты хочешь... однако мы будем пить чай.

– Дани-ир... – вздохнула Катя. – Пожалуйста.

– Ладно-ладно. Я понял.

Ну да, он ничего. Нет, не так. Он в её вкусе! Полностью.

Вот только его подстричь – и будет идеально. Можно и не стричь – такие волосы даже жаль резать. И если бы она познакомилась с ним нормально, дома, то есть не в этом мире, ей точно захотелось бы завести с ним отношения, и кто знает...

Потом, конечно. Когда она решит свои проблемы. А пока не до отношений. Она – пахнет? Так, что для него это сигнал, вроде белого флага: я тебя хочу, бери меня пожалуйста? Но это несерьёзно. Двадцать первый век на дворе! А тут...

А он не человек. Это вчера она якобы притворялась, что верит, а сегодня просто верит, и притворяться не надо. Хотя чего особенного случилось? Она с Турей познакомилась, и с этой интересной девушкой, Гетальдой...

– Данир, какой тут год?

– Год?.. Десять тысяч шестьсот первый. Но у нас другое летоисчисление, ты же понимаешь.

– Десять тысяч. Ничего себе.

– Чай, – Данир насыпал крупную заварку из мешочка в глиняный чайник и залил кипятком.

Мир другой, век вообще... какой, сто первый? А чай заваривают точно так же, как и в их мире. И даже запах у чая такой похожий, словно это обычный хороший чёрный чай, в который добавили горстку трав и, может быть, ягод.

– Так почему ты её прогнал? Гетальду? – Катя схватила чайник и сама разлила чай, подвинула ближе посудинку с мёдом и села за стол напротив Данира. – А сахара нет?

– Нет, – качнул он головой, – вообще есть, но у нас его не едят. Точнее, едят в основном люди.

– Так почему ты прогнал Гетальду? – напомнила она. – Мог бы из милосердия оставить её поспать до утра.

– Она найдёт, где поспать, уж поверь, – он усмехнулся, – эти горы ей дом родной. А вот я с ней под одной крышей не усну. Кто знает, чего она хочет, что ей в голову придёт. Скорее всего она заодно с моими врагами.

– Тогда мне странно, что ты её отпустил... – нет, Катя всё-таки его не понимала.

– А что с ней прикажешь делать? Привязать к дереву? Продержать до утра и отправить в замок? Не вижу смысла, только лишние трудности. К тому же кому-то в замке я не могу доверять, и это тоже проблема. Я узнал, что мне нужно. Она сюда не вернётся, не сможет. Шестнадцать слов заставят её исполнить приказ. Шестнадцать слов – это... Все кланы приносят присягу владельцу. Определяются ограничения, они подтверждаются магически. Нельзя не подчиниться. Я приказал ей уйти и забыть это место.

– Теперь я поняла.

– Но она с тобой справилась, – он хмыкнул. – Они и в вашем мире развернулись вовсю. Хотя двуликих куматов я у вас не встречал.

– А каких куматов ты у нас встречал? – осторожно уточнила Катя.

– Только с животной сутью. Но вы их обожаете. Я про ко-

шек говорю, – он забавлялся её непониманием. – Ты не поняла, кто такая Гетальда? Этот народ – изначально кошки-оборотни, здоровые такие рыжие горные кошки, хотя сейчас они чаще в человеческом обличье. Оборачиваются немногие. Таких метят печатями – по королевскому приказу. Но не помечать двуликого ребенка у них считается доблестью, так что не факт, что если нет печати, то не оборотень. Среди потомства Туи немало двуликих.

– Ох, – Катя отодвинула чашку и закрыла лицо руками. – То есть... ты все время чувствуешь в ней кошку?

– Ты правильно поняла. И запах, и ещё нечто труднообъяснимое. Но такая не может быть парой волку. Против природы.

– А с людьми... они могут?

– Да, вполне. С людьми они часто смешиваются. Люди, как правило, смешиваются со всеми двуликими расами.

Катя побледнела и поспешно выпила чаю.

– Ничего. Ты просто не привыкла. А так ничего в этом особенного нет, – утешил Данир. – Оборотни живут во многих мирах. И в твоём родном они по крайней мере были. Это уже потом про них наплели небылиц. Иди ко мне? – он с улыбкой похлопал ладонью по колену.

Сидеть у него на коленях? А это не чересчур?..

А у него глаза янтарные. Ореховые. Красивые до невозможности. Крупные руки с длинными пальцами – ему бы на пианино играть.

– Не надо, Данир, – она помотала головой.

– Просто посиди со мной. Немного. Только это, обещаю. Давай снова поиграем? согласишься – отвечу на любой твой вопрос.

– Ты и так обещал ответить.

– Ошибаешься. Я не обещал.

– Хорошо. Какие теперь будут правила игры?

Он улыбнулся и посмотрел на неё таким взглядом, что она сама догадалась про правила. Правильно догадалась. Он сказал:

– Притворись, что ты меня любишь. Что тебе хорошо со мной, и каждое моё прикосновение тебе в радость. Посиди у меня на коленях и дай тебя обнять. Больше ничего, клянусь. Даже не поцелую.

– Данир, ты смеешься надо мной?! – она вспыхнула.

Как будто она дурочка и не понимает, к чему он ведет. Он ведь не думает, что соблазняет девственницу? Нет, такого не может быть. Он даже знает, что Руслан жил в её доме. Так что это за дурацкие игры?

– Хорошо, – Данир огорчённо вздохнул. – Если ты против, то вечер вопросов-ответов закончен. Может, это к лучшему, я устал. Давай поспим до рассвета.

Он хотел встать, но она вскочила раньше, обошла стол и приблизилась к нему, положила руки ему на плечи.

– Пожалуйста, нет! Не надо. Давай поговорим ещё немного. Ведь ты снова уйдешь утром и до ночи, да?

– Да. Вернусь, когда стемнеет. А к тебе опять заглянет Гурей. А ночью мы пойдём... Нет, не скажу пока, куда.

– Чего ты добиваешься, Данир?

– Это уже второй вопрос, а ты отказалась играть со мной. Или согласна?..

– Согласна. Недолго. Только...

– Да-да, конечно, – он поднял перед ней раскрытые ладони. – Я про усталость правду сказал. Я ни на что не годен сейчас, так что не бойся.

– Тогда лучше действительно ложись... – смутилась Катя.

– Иди сюда, – он подхватил её и усадил на колено, и со вздохом обнял, стиснул так, что стало трудно дышать.

Она обещала притворяться, да? Ну хорошо. Она откинула голову ему на плечо, потерлась, вильнув бедрами, их щёки оказались рядом, соприкоснулись. Щека Данира была слегка колючей. Наверное, он брился вчера ночью, сразу после превращения. Было и приятно, и немного смешно, и чуточку страшно, и в жар бросило. Вот что она творит, дурочка такая? И что, она должна верить, что сможет динамить этого волчару два месяца? Это фантастика.

Он выдохнул как-то судорожно, и шепнул ей на ухо:

– Я предлагал договориться, помнишь? Перечислить свои предложения?

– Это два вопроса или один? Тебе ни одного не положено. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Условие игры.

– Жестокая аяя Катерина. Спрашивай, – он почти неуло-

вимо водил губами по её шее, но не целовал, как и обещал.

– Можешь показать, как ты становишься волком? Всё от начала до конца? Или это нельзя?..

– Можно, – он поморщился. – Но давай позже? Я долго не оборачивался, так что сейчас это больно и некрасиво. Потом наладится.

– Ладно, – она поёрзала, устраиваясь удобнее, а он опять со вздохом прижал её к себе.

– А вообще, вы отличаетесь чем-то от людей? В человеческом виде, я имею в виду.

– Есть немножко. Мы выносливей, как правило сильнее, меньше мёрзнем. Температура тела у нас выше. До тридцати девяти считается нормальным.

– Ничего себе... – она поёжилась и накрыла его ладонь своей.

Да, очень тёплая была у него рука.

– Со мной никогда не замерзнешь, – сообщил он ей на ухо, тихо так и интимно, словно о чём-то потаённом. – А представь, как сходили бы с ума лекари, если бы они в твоём мире лечили наших детишек?

– Да уж...

Она обернулась к нему, уткнулась носом в его плечо. Захотелось ощутить его запах, как ни странно. Он всякий раз твердит ей про запахи...

– Принимаешься? – тихонько, со смешком шепнул он. – И как тебе?

– Неплохо...

Его запах был тёплый, немного мускусный, мужской. И приятный – вдыхать его можно было сколько угодно. Никаких нот лосьона или туалетной воды, никакого застарелого пота, зато слабо ощущалось что-то травяное – шалфей, лимонная мята? Или это пахла одежда. Почти неуловимо.

– Запах не волчий... – это она неуверенно пошутила.

– Да? – и снова смешок. – Кстати, у меня и блох нет.

Она отстранилась, посмотрела – правильно, его глаза смеялись. Он веселился, Данир Саверин.

– Что это была за шутка тогда, про блох?

– Это бабушка щёлкала меня по носу, чтобы не заносило.

И она же одобряла наше сближение. Это странно, как считаешь?

– Не знаю, – она пожала плечами, – у вас всё странно.

Он взял её за руку, за ту, на которой было кольцо, потёр его пальцем.

– Ты, когда ушла, должна была это кольцо снять. Тебе захотелось бы его снять. Возможно, ты его вообще потеряла бы или продала. Но ты не сняла, и не потеряла, и не продала. Это означает только, что ты моя жена. Ты осталась моей. Больше ничего.

Катя молча закатила глаза, Данир улыбнулся, спросил:

– Всё теперь?

– Нет, не всё! Ты пообещал, что через два месяца я буду дома. Что случится через два месяца? Почему ты готов так

скоро со мной расстаться? – вот, она задала этот вопрос.

– Я должен буду уйти, надолго, – он отвел взгляд, но ответил без запинки. – Ты ведь знаешь про проклятье. Я научился его обходить, но остаться с тобой не смогу. Ты вернешься домой, у тебя будет всё, что пожелаешь. Можешь прямо сейчас желать. Или подумай. Самолёт и виллу на Лазурном берегу? Счет в банке – это понятно. Только...

– Только?..

Они теперь смотрели в глаза друг другу, напряжённо, серьёзно. Для Кати... странное дело, мир вдруг сместился и повернулся. И кто-то подкрутил настойки, немного добавив красок.

Ну почему же – вот так?..

– Мы проживём эти два месяца, не думая о том, что они закончатся, – серьёзно сказал Данир. – Не будем говорить о том, что будет после. Ты не станешь меня спрашивать. Просто будем счастливы. Два месяца. И я мечтал поначалу, чтобы кроме нас двоих ничто тут не имело значения. Но есть проблемы, от которых мне некуда деться. Но это ничего.

Память услужливо подсказала Кате: «Хозяин вернулся в Манш, и он обещал выкинуть прочь всех, кто сунется». И Турей жаловалась. Она тоже чего-то боится. Так что – сунутся, надо думать. И выкидывать придётся. И, между прочим, два месяца – это слишком мало, чтобы не думать об их быстротечности. Это невероятно мало!

– Ты окажешься дома через два месяца, клянусь, – сказал

Данир. – Что, теперь согласна договариваться?

– И мы должны быть счастливы? Два месяца?

– Хотелось бы. Почему нет?

Надо было сказать ему, почему. Если он сам не понимает.

– Данир, мы не будем ни о чем договариваться. Кроме возвращения меня домой. И это не договор. Это ты пообещал, а я поверила. Понимаешь?

Его взгляд потух, похолодел.

– Хорошо. Только я всё равно не сдаюсь.

Он её не понял.

А она решила, что не желает отказываться от подарка, который ей тут предложили, ведь это может быть единственный раз – даже если жизнь будет долгой. И этот подарок – не вилла. И тем более не самолёт.

Жизнь это миг, за него и держись, – советует старая песня. И правильно советует.

– Данир Саверин, это я сдаюсь. Просто я не могу быть счастлива, если всё это время буду отрабатывать контракт. Так что не надо договоров.

Он продолжал хмуриться – то ли она плохо объясняла, то ли он удивительно туго соображал. Надо же, виλλу предложил, капиталист чОртов, а она не оценила! Да у неё дома и грабли есть. В сарае.

Она обняла Данира и прижалась к нему, поцеловала в подбородок.

– Будем мы счастливы, не будем счастливы... Давай про-

сто будем?

И когда он поспешно, ловя момент, начал её целовать, то смотрел всё ещё недоверчиво. А потом подхватил на руки и отнёс на кровать, положил на одеяла как можно дальше от того места, где недавно лежала девушка-кошка. Поцелуев хотелось ещё и ещё, и платье само услужливо соскользнуло с плеч...

Потом Данир уснул, а Катя долго лежала в кольце его рук и смотрела на тёмные тени, которые иногда скользили по углам.

«Я люблю тебя, моя. Пока дышу, я буду любить тебя, – звучал в ушах его страстный шёпот. – Ты не пожалеешь, клянись».

А она любила? Сказать такое даже себе – слишком серьёзно. Но это была чудесная игра. На самом деле чудесная.

Где-то совсем близко раздался переливистый волчий вой – не жалобный, нет. Хозяйский, даже какой-то торжествующий.

Пусть миг. Такие каникулы между прошлым и будущим. Пусть будут. Она беременна. Ну и что? Зато опять чувствует себя отлично. Нет пока ненужного ребенка от ненужного мужчины, и не будет через два месяца. Данира это никак не касается. И она найдёт деньги на клинику и наркоз...

Глава 10. Особенности волчьей жизни

Решение было принято, ушли сомнения и стало проще. Пропало беспокойство, мысли о том, насколько правильно она поступает. Окружающая действительность, мягко говоря, необычна? Ну и что же. Кто-то в её мире покрутил бы у виска, услышав, что она на второй день знакомства закрутила любовь с волком-оборотнем?

Да пусть идут лесом все несогласные! Ей так хорошо было с ним! И вообще – с ним хорошо. Может, и то, что ей толкуют про кольцо – не совсем ерунда?

Зря она тогда ушла от Савериных. Это непростительно. Может быть, ещё раз, или даже не раз она поговорила бы с айей Лидией и смогла бы поверить. Может, доказательства тоже нашлись бы. Айе Лидии нужна была помощь. А Кате захотелось семью, ребенка, двигаться дальше, поэтому она выбрала Руслана. Не влюбилась, а именно – хотелось двигаться дальше, в семью, в отношения. Теперь это понятно. Влипла она... в отношения. Глупая...

Айя Лидия пыталась излечить Данира. От проклятья. Конечно, если можно так выразиться – лечить от проклятья. И если бы получилось, наверное, ни о каких двух месяцах сейчас не было бы и речи. Что случится через два месяца?!

Данир даже попросил её не говорить об этом. Не думать, не вспоминать об их сроке. Но она ведь так ничего и не пообещала, верно?

Катя спустилась вниз по тропинке, прихватив ведро – не такая уж она беспомощная. Старалась, конечно, ступать осторожно и смотрела под ноги. Впрочем, нога не болела и ничто не напоминало о вчерашнем падении. Волчица, подруга волка-сторожа, следовала по пятам, и это даже успокаивало.

Внизу действительно текла, пенилась между камней узенькая горная речка. Катя зачерпнула воды, понюхала, попробовала, покосилась на волчицу – та смотрела одобрительно. Ну вода определенно вкусная. Если бы ещё не тащить её вверх.

Она оставила ведро и прошла немного вдоль русла – прогуляться и посмотреть окрестности. Что сказать – её занесло в чудное место. Обустроить бы тут всё, и чтобы были баня, и газовая плита, и электричество...

Вдруг впереди кто-то появился, вынырнул из-за скалы. Человек. Маленький. Да человек ли, или ещё какой-нибудь зверёк в человечесьей ипостаси? Катя быстро оглянулась на волчицу – та была спокойна, даже хвостом помахала. А человек замер, увидев Катю, и издалека ей поклонился. И невозмутимо двинулся навстречу.

Мальчишка лет десяти или чуть старше. Темноволосый,

худой, жилистый. Тоже волк? Волчонок. Он тащил на плече большую корзину, похожую на ту, с которой приходила вчера Турей.

Он подошёл, поклонился опять, придерживая корзину, и выразительно принюхался – даже крылья носа затрепетали. Ах ты ж... волчонок.

– Ты волчонок? – прямо спросила Катя и улыбнулась.

– Я волк, аяя Катерина! – ответил тот звонко и немного вскинул подбородок.

Имя Кати он, кстати, выговорил легко и отчетливо – тренировался?

– А как тебя зовут, волк?

– Я Мих. Мих Черрин, моя аяя.

Он был гораздо смуглее Данира, у каждого виска среди волос болтались косички, на кончиках туго перевязанные шнурками. Турей была светлокожей, но более тонкие и выразительные черты лица мальчика повторяли её черты с хорошей степенью сходства.

– Ты сын Турей? Ко мне идешь? А тебе не тяжело? Помочь, может? – действительно, корзина выглядела серьезно и заметно оттягивала не слишком пока широкое плечо мальчишки.

– Что вы, аяя! – воскликнул он с обидой. – Разве это ноша! Вы думаете, я слабее вас? Думаете, я... – он умолк и поднял подбородок ещё выше.

– Я такое не думаю, Мих. Ты ведь волк, – поправилась Ка-

тя и посторонилась, пропуская отважного юного оборотня.

– Это вы, а́йя Катерина? Что вы здесь делаете, скажите на милость?! – раздался позади голос Турей.

Мих хмыкнул и заторопился, буркнул что-то волчице, и она побежала с ним рядом. А к Кате приближалась Турей, тоже с корзиной, только гораздо меньшей.

– Что вы тут делаете, моя а́йя? Я же велела вам беречь ногу. Только дети бывают такими неразумными и не слушаются! Опять покалечитесь и не сможете ходить, а ведь в храм надо зайти своими ногами, да ещё босыми. Что а́йт Данир станет с вами, с хромой, делать? На руках носить? Может, ему это и в радость, да только после храма ему и на другое силы понадобятся...

– Какой храм, Турей? – Катя замерла.

– Да в ближний поедете, он сказал. Это выше в горы подняться надо. Ну так что ж? Хороший храм. Я, как сына родила, шесть раз в год туда молиться хожу, пешком. Туда, говорят, каждый шаг уже молитва...

– погоди, Турей, – взмолилась Катя, – тебе Данир сказал, что собирается в храм со мной? А зачем?

И тут же сама поняла глупость вопроса. Турей посмотрела странно.

– Ох, а́йя Катерина. Не знаю я, зачем и почём, но надо сейчас платье подогнать для вас и башмачки изготовить. Так что пойдёмте уж!

Но ведь и правда – зачем? Если она вчера верно поняла

слова Турей, надетый в храме браслет окончательно завершает заключение брака. С Даниром они об этом не говорили, она и не помышляла что ни о чём подобном. Зачем – на два месяца?..

– Пойдемте, аяя, – строго сказала Турей. – А сюда вы за водой, что ли, пришли? Ручей куда ближе. И нарзанный источник неподалёку, я покажу. Выпьешь из него – и прямо на глазах силы прибывают!

Катя воды всё же зачерпнула, хоть и неполное ведёрко. Совсем не тяжело, и не зря же спускалась! И ведро понесла сама, не отдала. Турей недовольно пыхтела, но смирилась.

Платье оказалось красным, из плотного шелковистого льна, с вышивкой мелким бисером по вороту, рукавам и подолу. Бисер – чёрный и разные оттенки серого, а узор напоминал цветы. По бокам платье шнуrowалось, и село на Катиной фигуре очень даже неплохо. Длина?..

– Длину добавим, на три пальца, – решила Турей. – Я специально взяла ленты. Хорошо будет. А Мих пока башмачки стачает. Берись за работу, бездельник, у тебя время до вечера! Будет удобно, аяя, и не скользко, по нашим тропинкам ходить самое то! И не упадёте, и в пропасть не сорвётесь – подошвы заговорённые! К знахарке носили, айт за всё заплатил!

Башмаки с заговорённой подошвой, какая прелесть! Как раз для растяпы, которая и на ровном месте кочки найдёт.

Действительно, Мих извлёк из своей корзины вырезанные из мягкой чёрной кожи заготовки, примерил их Кате на ногу, сделал отметки и ушёл за порог, сел на чурбак у раскрытой двери, инструменты разложил перед собой на куске кожи. Конечно, внутри этой хибары шить нельзя – слишком мало света. Электричество тут насущная, но такая невозможная необходимость.

– Не беспокойтесь, аяя Катерина, – Турей по-своему истолковала Катин озадаченный взгляд, – не смотрите что мал, сошьёт, как лучший мастер!

– А вы сами шьёте себе обувь?

– Мы? Шьём. Вся семья наша – башмачники, и лавку держим, и на заказ обуваем. И сынок тоже, уже башмачник. Будете довольны, точно говорю, ещё несколько пар закажете. Айт вам велел и меховые сшить. Холодает, снег скоро ляжет.

– И что, в заговорённых башмаках точно не упадёшь? Со скалы, например?

– А как же! Не упадёшь, – серьёзно подтвердила Турей. – Только прыгать придётся. Но вы-то не станете?

– Не стану, конечно, – вздохнула Катя. – А платье? Ты и портниха?

– Да что платье? Каждая женщина шьет.

Она подошла к сыну, нагнулась, что-то ему сказала, водя пальцем по кожаной заготовке. А волчонок её выслушал, а потом, стрельнув глазами в Катю, пошептал что-то матери на ухо. Турей заулыбалась, тоже оглянулась на Катю и всплес-

нула руками:

– Вы хлеб ставьте, аяя! Пора уже!

– Хлеб? – озадачилась та. – Но ты ведь принесла большую ковригу!

– Это чтобы днём не голодать. Но вам-то перед храмом надо хлеб испечь! Как же! Всегда пекут хлеб. И с собой возьмёте!

Сплошные сюрпризы. Попадись ей сейчас Данир, услышал бы много интересного! Хотя, конечно, добрый здравый смысл напомнил: Данир ушел, когда она спала. До рассвета. Им некогда было разговаривать. Но разбудил бы, подумаешь! Зачем и, главное, как печь хлеб, если она не умеет? Как вообще печь в этой печке?..

– Турей, я не знаю, как печь хлеб. Подскажи?

– Как это – не знаете? – не поняла Турей.

– Никогда не пекла. Я только покупала хлеб. У нас его все покупают.

– Шутите, аяя? Это где же такое несчастное место? – на лице женщины было самое искреннее недоумение.

– Турей, ну ведь вы башмаки людям шьёте, и их покупают, да? А если бы все шили сами?

– Так то ж башмаки! – она махнула рукой. – Учиться надо, руку набить, это непросто. А хлеб что? Мука, вода, закваска, соли добавить да чуть подсластить, если нравится. И если бы башмаки нужно было жевать каждый день, то все бы умели, не сомневайтесь!

– С тобой сложно спорить, Турей! – рассмеялась Катя. – Хорошо, я поняла.

Бабушка иногда пекла хлеб. Это была её ностальгия по молодости, проведённой в глухой деревне, куда хлеб привозили раз в неделю, и то необязательно. Внучку она научила только пирожки печь и булочки, а хлеб – зачем? За углом магазин. Во всяком случае, Катя представляла себе процесс. Тонкости – нет, а процесс в целом – более или менее. И потом, Турей перешивала подол у платья, волчонок Мих шил башмаки, а Кате заняться было нечем. Она отыскала в сундуке деревянную кадушку, похожую на гибрид бочки и тазика. Муку вчера принесла Турей, и закваску тоже. Соль, мёд есть. Сахар волки в хозяйстве не держат. А вода? Её как-то незаметно выпили и использовали на разные надобности. Кажется, есть повод прогуляться, хотя бы снова к речке. Не так уж далеко.

Катя переобулась в кроссовки, которые, увы, не заговорённые, и взяла ведёрко.

– Я за водой схожу, Турей. Не беспокойся, со мной опять волчица пойдёт, – она в этом даже не усомнилась.

– Куда? – Турей так и подскочила. – Что, воды мало? Бестолковая я, надо же было сразу принести. Нет, аяя Катерина, вы не пойдёте. Я сама.

– Тогда и я с тобой. Узнаю заодно, где тот ручей.

– Нет, аяя! – заволновалась женщина. – Не пойдёте вы! Вы к нашим горам непривычны. А голова закружится? Что

я айту Даниру скажу! Нет, и не думайте!

Она выдернула у Кати из рук ведро и умчалась – быстрее, чем та начала возражать. Мих хихикнул и ниже склонился над работой. Посоветовал:

– Да не надо с матушкой спорить, айя. Я точно знаю, я пробовал!

– Хорошо, не буду спорить, – согласилась Катя, тоже развеселившись.

Странная у них получается субординация. Леди и служанка, вроде бы, точнее – айя и служанка, смысл тот же, но эта служанка вертит леди как знает, ещё и покрикивает.

Что ж, кто может, тот и вертит. Катя пока не может, так что лучше ей какое-то время сидеть ровно и дышать глубоко.

– Там есть сыр и мясо, – сказала она, – не хочешь пожевать, а, Мих?

– Очень хочу, айя, – безо вежливых виляний согласился мальчик.

Ну конечно, чтобы здоровый мальчишка в этом возрасте и на свежем воздухе не хотел есть! А тут ещё и волк. А воздух в этих горах чудесный, свежий и вкусный, и аппетит от него разгорается зверский... волчий, вот именно.

Катя соорудила из хлеба, сыра и мяса по солидному бутерброду – ах, сюда бы ещё помидоров! – и вернулась к Мишу.

– Руки мыть будешь?

Тот только заулыбался, отложил работу, с поклоном взял угощение и сразу впился в него зубами. Катя тоже принялась

есть. Между делом спросила:

– Ты видел сегодня айта Данира, Мих? Он к вам приходил, да?

– А как же, – закивал тот. – До свету ещё.

– Ну да. Распоряжения оставить. Как бы он в волчьем облике это делал?

– Да обычно, – удивился Мих. – У нас по-волчьи все почти понимают. Чтобы нормально поговорить – это мало кто, а поймут – запросто. Чтобы поговорить, лучше перекинуться в волка, конечно. У волков ведь глотка другая. Но все равно можно.

Не то чтобы Катя удивилась – она ведь слышала уже эти «разговоры» с волками. Но уточнила:

– И что, обо всём поговорить можно? Совершенно обо всем?

– Почти, – кивнул мальчик. – Что-то далекое от волчьей жизни сложно объяснять. Математику – очень сложно. Грамматику – почти невозможно. Географию – можно, но исподволь. А про лес, и как охотиться, и где дичь, и где что растёт, куда идти, где встречаться – это запросто, волчий язык для этого и есть. Дикие волки об этом обычно и говорят.

Катя не ожидала услышать про математику и грамматику, поэтому закашлялась и помолчала, осознавая.

– И что, простые волки всё время разговаривают?

– Конечно, – Мих засмеялся над её удивлением. – Они умные. Некоторые вещи, которые им привычные, делают так

же хорошо, как люди. Когда вместе загоняют оленя или кабана, например. А чаще они как дети, лет пяти или шести. Но есть и умнее, это точно. Вот брат Хорт – он очень умный.

– Понятно. Правда, эти дети могут нас съесть, случайно, да?

– Нас? – мальчик удивлённо распахнул глаза. – Нет, не могут. Только не здесь. И не нас. Если только людей, и по их же глупости, и не здесь, не в Веллекалене!

– Ладно, я что-то не то сказала, – поспешно признала Катя. – А ты сам обращаться можешь, Мих?

– А как же! – он важно кивнул. – А вы так мало знаете про волков, аяя Катерина?

– Очень мало, Мих. Ты в любое время можешь превращаться? Хоть днем, хоть ночью?

– Конечно. Все так могут, кто двуличный, конечно.

– А если полная луна?

– И что? Когда луна – светло, но я в волчьем лике и без неё хорошо вижу. А, вы про Лунный праздник? Да, это здорово. Все обращаются. А сама луна ни при чём, аяя Катерина.

– Понятно, – вздохнула Катя.

Кажется, важный миф про оборотней из её мира рассыпался.

– Айта Данира жаль, ему так мешает, наверное, что приходится днем быть волком, – сказал Мих рассудительно. – Когда с людьми говорить, то в человеческом лике проще. А волков он вчера собирал, на поляне за Маншем. Не всех, только

близких. Скоро, дед сказал, соберет всех. Дед сказал, что айт Северин не станет прятаться, не сдаст свои земли. Айя, вы тоже так думаете?

– Да, думаю, – согласилась Катя.

Её сердце сжалось: кажется, Данир собирается взять на себя слишком много. И кто знает, по силам ли ему это? Он ведь много лет провел не просто на чужбине, а в другом мире и в личине волка! Какое там счастье длиной в два месяца...

– Вы меня обо всем спрашивайте, айя Катерина, – великодушно предложил мальчик. – И про волков, и всё что хотите. Я буду рассказывать, я ведь всё знаю.

– Спасибо, Мих! – Катя обрадовалась. – Так и буду делать!

Кажется, волчонка забыли научить, чего ей нельзя говорить, и этим грешно было не воспользоваться!

– А айт Данир скоро уйдёт, да? – опустив голову, спросил мальчик.

– Не знаю, – осторожно ответила Катя. – Он сам решит. А с чего ты взял, что он уйдёт?

– Дед сказал. Что срок айта Данира истекает, ему недолго осталось жить в нашем мире. Он должен будет опять уйти в мир без магии, там он сможет жить, и долго. Со временем, может, и найдётся способ снять заклятье! Он потому и прожил так долго, что его догадались оправить в мир без магии!

– А вот и вода! – прозвенел над дорожкой голос Турей. – Как вы, айя Катерина? Всё в порядке?

– В полном, – Катя встала, благодарно улыбнувшись Миху

и хотела перехватить у Турей ведерко, но та не дала, сама занесла в дом.

Она это уже знала. В их мире магические часы, отсчитывающие срок «проклятой» жизни Данира, останавливались. Но он мог находиться лишь в одной своей ипостаси – в волчьей. Значит, через два месяца Даниру снова придётся прятаться от проклятья там, где нет магии? Опять жить где-нибудь в волчьей шкуре? Ужасно.

– Великая Мать вам в помощь, айя Катерина! Пышного и сладкого хлеба к радостной жизни!

Помогать Турей не стала, только махала руками, когда Катя попробовала выспрашивать, чего и сколько класть в тесто. Ну глупо же – какой тут сладкий хлеб, если его готовят впервые в жизни? И какая радостная жизнь, при таком-то раскладе?!

Но тесто она замесила, мягкое, в меру упругое и податливое – такое, как надо. Получилось. Мука, подогретая в чайнике вода, закваска, соль и немного мёда. Растительного масла не нашлось – ну и пусть.

Она прикрыла кадушку льняной тряпкой, которая нашлась в сундуке. Турей уже успела приготовить кашу с мясом и овощами и закончила трудиться над платьем, Мих с гордым видом и церемонным поклоном вручил Кате мягкие башмачки на кожаной подошве, которые сели на ноги просто удивительно хорошо. Катя настояла, чтобы они поужинали все вместе – к смущению Турей и удовольствию Муха, тем

более что каши получилось на семерых. Уже вечерело, а тесто увеличилось в объеме.

– Турей, как печь хлеб? В какой посуде?

– Это вам виднее, айя.

– Турей, ну пожалуйста. Мне надо дождаться, пока прогорят все угли, и выгрести их?

– Да. Сначала совком, потом метелкой. Вот, за печкой, – она показала. – А потом как знаете, айя. Я кладу на под, – всё-таки снизошла она до пояснений.

– На под – значит, прямо на дно печи?

– Ну да. Радостной вам ночи, айя!

Радостной ночи, серьезно? Вот сгорит до углей это тесто – и останется только радоваться. Рассказала бы Турей нормально про технологию – возможно, получилось бы. Но раз она решила вредничать, пусть будет как будет.

Прогоревшие угли точно надо из печи убрать. Катя и убрала, выгребая их совком в глиняную посудину, которую тоже обнаружила за печкой. Обожгла руку, просыпав на неё угольки – потому что было неудобным всё, и посудина, и совок, не говоря уже о печке. Не сильно обожглась, но всё равно было больно, и это не добавило настроения.

Она замотала руку мокрой тряпкой и вымела метёлкой горячий под печи. Захотелось посидеть у порога и поплакать. Как её угораздило угодить в это дивное место?!

– Моя, ты что делаешь?

Она резко обернулась. Данир смотрел на неё, стоя у двери.

И он ещё спрашивает!

– Мы тут весь день выполняем твои распоряжения, дорогой, – отчиталась она не без сарказма.

– И что же я такого распорядился? – он подошёл, обнял её, прижал к себе. – Ты злишься. Что случилось?

– Данир, я не умею печь хлеб!

– Турей разве не принесла хлеба?..

– И я не пойду ни в какой храм! Хочу в душ и спать!

Это она капризничала, конечно. Но в храм действительно не хотелось. А в душ – очень.

– Я и не собирался в храм, – ответил Данир удивлённо. – То есть не сегодня. Ты решила хлеб печь? А, я понял, – и он вдруг расхохотался, – ну Турей...

– Что? – она дернулась и повернулась к нему, оставаясь в его объятиях, потому что он не выпустил. – Ты не собирался в храм? Тогда зачем мы тут возились?..

– Что это у тебя? – одной рукой он аккуратно снял повязку. – Обожглась? – и прижал ожог к губам, потом прошелся по нему языком.

В самый первый момент стрельнуло болью, но боль быстро прошла почти совсем.

– Лучше? Зализывать раны лучше в волчьем лике, конечно.

– Лучше. Спасибо. А я ведь неумеха безрукая! Не приспособлена к экстремальным условиям! – сварливо пожаловалась она, благодарно прижавшись к нему. – Если ты думал,

что это не так...

– Если ты решила, что это экстремальные условия, то это ещё не они, – с ласковой усмешкой сообщил он. – Ты тоже можешь зализывать раны, кстати.

– Я не могу. Я могу пользоваться бальзамом «Спасатель» из холодильника. Лучше бы Юлана вместо косметики собрала аптечку, раз уж такое дело!

– Поругаешь её потом, – посоветовал Данир. – Подожди, я сейчас.

Он вышел и вернулся буквально через несколько минут – принес какие-то листья, измял их в ладонях и прижал к ожогу.

– Боль сейчас пройдёт. Ты отдохнула сегодня? Успела поспать?

– Даже как-то в голову не пришло. А надо было? – Катя взяла брошенную тряпку и принялась опять наматывать повязку поверх компресса из листьев.

– Эта несносная Турей! – Данир опять смеялся. – Не сердись на неё. Она хотела, как лучше. То есть чтобы всё было по обычаю, и мы своей небрежностью не испортили себе долгую и счастливую жизнь, – Кате слышала горечь в его голосе. – В деревнях всегда устраивают хлебный обряд. Турей и мысли, видно, не допускает, чтобы обойтись. А я лишь хотел, чтобы тебе заранее приготовили платье и обувь. И просил передать, чтобы ты выпалась. Ведь у нас с тобой есть только ночи, не хочется их терять.

– Значит, хлеб не нужен? И что с ним делать теперь?

Ей было обидно. Столько трудов – и всё напрасно?

Данир снова обнял её со спины, прижал к себе и не спеша поцеловал в шею – то ли целуя, то ли пробуя на вкус. Потом ответил:

– Хлеб надо испечь. Каждый замешанный хлеб должен быть испечён, это дар Великой Матери, выбросить – позвать зло. А нам лишнего зла не нужно совершенно.

– Ты тоже веришь в обычаи.

– Приходится. Мы сделаем это вместе – тоже хорошая примета, да?

– Да, наверное, – вздохнула Катя и покосилась на перевязанную руку. – Великую Мать сердить не будем, а то мало ли, я уже боюсь. Ты хоть будешь мне подсказывать, что делать?

– Мне проще делать, – он провел языком у неё за ухом и нехотя отстранил от себя. – Сядь и смотри. Ты всё отлично приготовила. Не так много работы осталось. Я слышал запах капусты, – он огляделся, – вот же она.

Теперь и Катя увидела – под лавкой у двери лежал крупный кочан капусты. И когда её принесла Турей? Или Мих так ловко спрятал – и на виду, и в то же время в глаза не бросается.

– Зачем капуста?

– Подкладывать под тесто. На ней и будем печь, – Данир принёс кочан и принялся потрошить его, снимая большие верхние листья и обрезая утолщения.

Листья он раскладывал на столе.

– Нет... Шутишь? – растерялась Катя.

– Нет же, моя. Чем ты недовольна?

– Печь на этом?..

– Так и делают. И другие листья можно. Главное – большие и съедобные*.

– Я должна была догадаться?! И зачем было прятать эту капусту? – вздохнула она, – Турей совсем отказалась помогать.

– Не сердись. Она ведь даже не догадывается, что ты можешь, а что нет. Капусту легко найти по запаху. Она решила, что и ты справишься.

– Я найду её по запаху, когда она испортится. Я не волк, у меня так себе нюх, – Катя смотрела, как он мнёт в руках её тесто, подбрасывает, бросает на стол и снова мнёт, и движения у него такие уверенные, тягучие и плавные.

Как красиво. А ведь он всего лишь месит тесто.

– И Турей не волк, – повёл плечом Данир. – Но вы в своем мире убили свои природные способности. Точнее, какие-то остались, но вы ими не пользуетесь или пользуетесь бессознательно, потом несёте чушь про интуицию или помощь свыше. Для вас главное знание, а не ощущение мира вокруг. Кто угодно почуял бы тут запах капусты. И вот ещё, Турей не помогала тебе печь хлеб из лучших побуждений. Так принято, – он объяснял, посмеиваясь. – Когда невеста печёт свадебный хлеб, ей мешают всюю, прячут утварь, продукты,

могут в муку что-то подмешать. Чем больше она испытает невзгод во время этого дела, тем глаже и спокойней будет ей вести хозяйство в доме мужа. Вот Турей и решила, что тебе не обойтись без этого, как можно? Семейное счастье важнее, чем выспаться. И она тебе ещё не особо мешала, так ведь?

– Ужас какой-то, – искренне высказалась Катя, чем снова рассмешила Данира.

Он ловко разделил тесто на несколько частей, каждую скатал в шар и положил на капустные листья. Потом плеснул в печь воды из ведёрка, лопатой ловко переложил заготовки вместе с капустой на выметенный Катей под и прикрыл зев печи заслонкой.

– Вот и всё, моя. Видишь, несложно.

– Я потрясена. Где ты этому научился, Данир Саверин?

– Отец научил. Нас с братом. На дальней охоте. Это было в таком же охотничьем домике, как этот. Мужчины многое должны делать сами, если они не дома. У меня был старший брат, – и у него вдруг сел голос.

– Я знаю, – поспешно сказала Катя. – Айя Лидия мне рассказала.

– Да?.. Хорошо.

**это не выдумка автора, а реальность и нашего мира тоже. Подовый хлеб в каменных печах можно печь на капусте, свекольных, кленовых листьях, на листьях салата и аира, и этот список наверняка не полон...*

Дверь неслышно открылась, и волк скользнул в хижину.

Катя не испугалась зверя, но напряглась – что ему надо?

Волк проворчал что-то, Данир ответил по-сандански:

– Хорошо, я понял, иди, – и притянул к себе Катю, обнял крепко.

Волк опять поворчал и бросил на Катю такой осмысленный взгляд, что она невольно дёрнулась. А волк так же неслышно удалился.

– А приучить их стучаться можно?

– Можно. А зачем?

– Погоди. Вот это кто был? Просто волк или оборотень?

Что-то я стесняюсь, когда ты при нем меня трогаешь...

И Данир, недавно хмурый, снова улыбнулся:

– Это просто волк. Из моей стаи. Для него естественно, что мы вместе, раз мы пара. Пусть видит. И ты должна пахнуть мной, всегда. Тогда тебе нечего будет бояться на землях Манша. Волкам непонятна твоя стеснительность, а двуликие будут вести себя вполне гм... церемонно.

– А я когда-нибудь смогу их отличать? – вздохнула Катя.

– Может быть...

– А почему ты, двуликий тип, не вёл себя церемонно в моем мире? – она коварно прищурилась, – я ходила по комнате в белье или даже снимала его совсем, а ты и не думал отворачиваться?

Действительно, случилось ведь такое, и не раз.

– Там я не был двуликим, моя... – тихо поправил Данир, склонившись к её уху, – там я был просто нахальным типом,

и ни капли не жалею об этом. Ведь большее мне не светило, ага?

И от такого его голоса отчего-то стало щекотно спине.

– Со мной? Конечно нет... – она старалась говорить безучастно.

– А больше мне никто не нужен. Волчья натура такая, знаешь? И если насчет простых волков это момент преувеличен, то двуликие именно такие. Неудобно, но что делать? Мне нужна ты.

– Интересно. То есть, я хочу сказать, что мне всё про вас узнавать интересно, – пробормотала она. – Ведь вы и люди, и не люди. Интересно...

– И что бы ты ничего не фантазировала, объясню сразу, – он опять не дал ей отстраниться. – Для нас, двуликих, не существует секса в звериной ипостаси. Так заведено. Это как, например, снять штаны и пойти в таком виде по улице. Так же дико. Так что у нас не бывает детей от обычных волчиц и прочих... как это сказать?... генетически родственных нам видов. Это только в злых байках. Овчарка Матильда, которую мне сватали в зоопарке, не могла меня интересовать. Я ей сочувствовал разве что. Кстати, её родословная много шикарней, чем моя собственная, – он усмехнулся, а Катя поёжилась. – Но хозяину захотелось щенков от волка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.